

Жан Фруассар
ХРОНИКИ. КНИГА ТРЕТЬЯ
Рассказ об аресте коннетабля Франции
Оливье V де Клиссона
(лето 1387 года)
(Фрагмент)

Перевод и комментарии М.В. Аникиева. Copyright © 2018

Текст подготовлен к публикации при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00119-ОГН ««Хроники» Жана Фруассара, Книга Третья (научный перевод и исследование источника)».

От переводчика

В публикуемом фрагменте Жан Фруассар подробно и драматично описывает военно-политическую коллизию, развернувшуюся в Бретани летом 1387 г. В середине 80-х годов XIV столетия правительство юного короля Карла VI Французского, пользуясь временным ослаблением Англии вследствие внутренних противоречий, решило перенести войну непосредственно на английскую территорию. Однако первая попытка широкомасштабного морского десанта не состоялась: огромную военную флотилию, собранную в Эклюзе летом-осенью 1386 г., пришлось распустить из-за неблагоприятных погодных условий.

Тем не менее, уже вскоре французское правительство разработало новый план вторжения в Англию. С этой целью в Бретани и Нормандии весной 1387 г. были сконцентрированы значительные экспедиционные силы, во главе которых стоял коннетабль Франции Оливье V де Клиссон. До начала военной кампании оставались считанные дни, когда, 25 июня 1387 г., коннетабль подвергся неожиданному аресту со стороны своего давнего противника, герцога Бретонского Жана IV де Монфора. Это случилось недалеко от города Ванна, в замке л'Эрмин, куда герцог заманил коннетабля под предлогом осмотра строительных работ.

Коннетабль смог сохранить себе жизнь и свободу лишь ценой больших денежных и территориальных уступок. Однако, несмотря на то, что 5 июля 1387 г. он уже вышел из заключения, завоевательные планы французов были отложены на неопределённый срок. При французском дворе бретонские события вызвали столкновение разных политических курсов. Королевские опекуны, герцоги Бургундский и Беррийский, видели в коннетабле опасного и влиятельного соперника, стоявшего на пути их властных амбиций. В силу этого они негласно поддерживали герцога Бретонского и предлагали уладить противоречия с ним мирными способами. Между тем государственные сановники, выдвинувшиеся ещё в правление Карла V Мудрого, усматривали в аресте коннетабля вызов королевской власти и считали, что герцога Бретонского следует решительно призвать к ответу, используя для этого, в случае необходимости, военную силу.

[1]

О том, как коннетабль Франции и многие другие готовились отплыть в Англию, чтобы завоевать там города и замки¹

С приходом мягкой весенней поры, в год Милости Нашего Господа по счёту 1387-й, когда настал погожий, весёлый месяц май, и когда герцог Ланкастер², находившийся в Галисии³, совершал свои завоевания, продвигаясь вместе с королём Португалии⁴ по Кастилии и не встречая никакого сопротивления на своём пути, – так вот, в ту же самую пору, как я уже сказал вам выше, собирались выступить в морской поход коннетабль Франции⁵, с одной стороны, и граф де Сен-Поль⁶, сир де Куси⁷ и мессир Жан де Вьенн⁸ – с

¹ Перевод выполнен с издания: *Froissart J. Chroniques / Publ. par Kervyn de Lettenhove. Academie Royale de Belgique, 26 tomes. Bruxelles, 1867-77. Т. 12. Р. 151 – 185, 215 – 248 (далее – KL). Дополнительная выверка текста проводилась по изданию: *Chroniques de J. Froissart / Publ. par Léon et Albert Mirot. Société de l'histoire de France. Livre III. Т. 13. Р. 220 – 282 (далее – SHF). Названия отдельных глав воспроизведены по изданию: *Les chroniques de sire Jean Froissart / Publ. par J. A. C. Buchon. Panthéon littéraire. Paris, 1848. Т. 2. Р. 578 – 610 (далее – Buchon).***

² Речь идёт о Джоне Гонте (Гентском) (март 1340 г. – 3 февраля 1399 г.), третьем сыне Эдуарда III Английского и Филиппы д'Эно. В 1342 г. Джон Гонт стал графом Ричмонда, в 1361 г. унаследовал от своего тестя, Генриха Гросмонта, графство Ланкастер, в 1362 г. был произведён в герцоги Ланкастера. В 1390 г. король Ричард II сделал его герцогом Аквитании. Джон Гонт был женат: 1) с 1359 г. на Бланке Ланкастер, дочери Генриха Гросмонта, герцога Ланкастера, 2) с 1371 г. на Констанции, дочери короля Кастилии Педро I Жестокого, 3) с 1397 г. на Екатерине Суинфорд, вдове сэра Хьюга Суинфорда.

³ Джон Гонт, герцог Ланкастер, претендовал на корону Кастилии, поскольку был женат на Констанции, дочери и наследнице покойного короля Кастилии Педро I Жестокого. 29 июля 1386 г. Джон Гонт высадился с английским войском в Ла-Корунье, портовом городе на крайнем северо-востоке Испании. В союзе с королём Португалии Жоаном I он сумел оккупировать всю Галисию, а затем, в апреле-июне 1387 г., предпринял попытку завоевания центральных областей Кастильского королевства. Однако из-за начавшейся эпидемии и неблагоприятных погодных условий англо-португальское вторжение окончилось неудачей, и Джон Гонт был вынужден отступить на территорию Португалии. Там он заключил с королём Кастилии Хуаном Трастамарским тайный договор, по условиям которого он и его супруга Констанция отказывались от всяких притязаний на кастильский престол в обмен на определённые ежегодные выплаты и брак их дочери Катерины с принцем Энрике, сыном Хуана Трастамарского.

⁴ Жоан I Португальский (11 апреля 1357 г. – 14 августа 1433 г.), внебрачный сын короля Педру I Португальского и благородной дамы из Галисии по имени Тереза Лоуренсо. В 1364 г. был избран магистром Авицкого ордена / Авицкого ордена. В период междуцарствия (1383 – 1385 гг.) носил титул Правителя и Защитника королевства Португалия. 6 апреля 1385 г. был провозглашён королём Португалии и коронован в Коимбре; таким образом, он стал основателем Авицкой династии на португальском престоле. В 1387 г., ради упрочения англо-португальского союза, Жоан I женился на Филиппе Ланкастерской, дочери Джона Гонта, герцога Ланкастера.

⁵ Оливье V де Клиссон (1336 г. – 23 апреля 1407 г.), сын Оливье IV де Клиссона и Жанны де Бельвиль. В 1343 г. король Филипп VI казнил его отца по обвинению в измене. Его мать бежала с ним в Англию, и он воспитывался при дворе Эдуарда III вместе с юным графом де Монфором; именно там началась их дружба. Когда подросший Жан IV де Монфор возобновил борьбу за бретонское наследство, Оливье V де Клиссон решительно его поддержал. За ярость, проявленную в боях со сторонниками Блуаского дома, его прозвали «Мясник». В битве при Орэ (1364), сражаясь на стороне де Монфора, он потерял глаз и получил ещё одно прозвище – «Кривой из Орэ». Вскоре после заключения мира в Геранде (1365), Оливье вступил в открытую ссору с Жаном IV де Монфором из-за того, что тот подарил Гаврский замок с округой не ему, а Джону Чендосу. Этот конфликт привёл к тому, что в 1370 г. Оливье де Клиссон перешёл на сторону короля Франции и стал заклятым врагом Монфорского дома (примирение было достигнуто лишь в 1399 г.). В 1380 г., после смерти Бертрана дю Геклена, Оливье де Клиссон стал коннетаблем Франции. Он исполнял эту должность до осени 1392 г. Был женат: 1) с 1361 г. на Катерине де Монморанси-Лаваль, госпоже Вильмомбль, 2) с 1378 г. на Маргарите де Роган.

⁶ Валеран III Люксембургский (1357 – 1415), сын графа Ги де Линьи (ум. 1371) и Маго де Шатийон, графини де Сен-Поль; граф де Сен-Поль и де Линьи с 1371 г.

⁷ Ангерран VII (1339 – 1397), барон де Куси, сын Ангеррана VI (ум. 1344), барона де Куси, и Катерины Австрийской (ум. 1349), дочери герцога Леопольда Австрийского. В правление Карла V и Карла VI был военным советником и верховным виночерпием Франции.

другой. Коннетабль снаряжался в Трегье⁹, что в Бретани, а другие – Арфлёре¹⁰, что в Нормандии, дабы отплыть в Англию и доставить туда до шести тысяч латников, двух тысяч арбалетчиков и шести тысяч военной прислуги. При этом было постановлено, что никто не должен отправляться в плавание, если у него не готово полное ратное снаряжение и запас продовольствия на четыре месяца. Это был самый цвет воинства, и все латники должны были везти в поход своих лошадей и припасы для них – сено и овёс, хотя летом английская страна хорошо подходит для выпаса конницы. Сеньоры, которые были верховными капитанами всего этого предприятия, дружно согласовали и выбрали определённый день, когда они отчалият. Они должны были высадиться в двух портах Англии: корабельная рать из Нормандии – в Дувре¹¹, а корабельная рать из Трегье – в Оруэлле¹². Уже очень близок был тот день, когда им надлежало взойти на свои корабли. И подобно тому, как это было минувшим летом в Эклюзе¹³, когда служащие разных сеньоров приказывали грузить на корабли и баланжье¹⁴ всевозможные припасы, которые могли им понадобиться в походе, точно так же теперь происходило в нормандском порту Арфлёре и в бретонском порту Трегье. Те латники, чьими предводителями были граф де Сен-Поль, сир де Куси и адмирал Франции, уже получили жалованье на пятнадцать дней вперёд. Однако они до сих пор оставались на берегу, в своих отелях, а иные, что находились вдали от гавани, всё ещё потихоньку съезжались в Нормандию.

Этот поход был уже настолько решённым делом, что никто и не думал, что он может не состояться. Как бы то ни было, это случилось, и вовсе не по вине капитанов, которые были избраны и назначены руководить войсками, но в силу одного удивительного события, произошедшего в Бретани. Король Франции¹⁵ и его совет были жестоко разгневаны, когда увидели, что удобная пора для вторжения в Англию упущена, их замысел сорван, а потраченные средства пропали впустую. Однако они не могли ничего исправить, и им пришлось снести это, изображая мудрое спокойствие и невозмутимость, ибо для мести время было неподходящим. А кроме того, в ту же самую пору к королю Франции и его совету пришли тревожные новости из Германии, о коих я вам ещё сделаю упоминание. Однако сначала мы поговорим о бретонских событиях, а затем уже о германских, ибо бретонские случились раньше и были гораздо хуже восприняты, хотя другие, германские, стоили дороже.

Если бы я говорил: «Так-то и так-то случилось в оное время», не раскрывая и не объясняя причин, которые были велики, весомы, ужасны и вполне могли привести к большим осложнениям, это была бы хроника, а не история, и я преспокойно мог бы этим ограничиться, если бы пожелал. Однако я вовсе не желаю обойтись без того, чтобы

⁸ Жан де Вьенн (1341 – 1396), сын Гильома II де Вьенна (ум. 1360) и Клодины де Шодене; адмирал Франции с 1373 г.

⁹ Трегье (Tréguier) – город на северном побережье Бретани (департ. Кот-д’Армор, округ Ланьона).

¹⁰ Арфлёр – портовый город в Нормандии, в земле Ко (департ. Приморская Сена).

¹¹ Дувр – портовый город в графстве Кент.

¹² Оруэлл – речная бухта в графстве Саффолк.

¹³ Эклюз (Слэйс) – портовый город в Восточной Фландрии.

¹⁴ Баланжье или баланье (*balangier, balagner*) – вид грузовых судов.

¹⁵ Карл VI «Возлюбленный» или «Безумный» (1368 – 1422), сын короля Карла V Мудрого и Жанны де Бурбон; король Франции в 1380 – 1422 гг.; в период несовершеннолетия, с 1380 по 1388 г., находился под опекой своих дядёв, герцогов Жана Беррийского и Филиппа Бургундского.

полностью всё объяснить, коль скоро Бог дал мне разум, память и досуг, дабы я мог описывать события во всех подробностях¹⁶.

Вы знаете, поскольку об этом сказано во многих частях этой истории, что Жан де Монфор¹⁷, который подписывался и именовался герцогом Бретонским, хотя стал таковым в силу завоевания, а не по праву наследования, всегда, как мог, поддерживал короля Англии в его войне и вражде с королём Франции и французами. И, по правде сказать, он имел все основания, чтобы отстаивать сторону англичан. Ведь именно они помогли ему одержать победу в его войне, а без них он ничего бы не совершил и не достиг – ни под Орэ¹⁸, ни в других местах.

Вы также знаете из уже написанного в этой истории, что герцог Бретонский не мог навязать свою волю добрым городам и большинству знатных людей своей страны, – в частности, мессирю Оливье де Клиссону, коннетаблю Франции, сеньору де Лавалю¹⁹, сеньору Бомануару²⁰, сеньору де Рэ²¹, виконту де Рогану²², мессирю де Динану²³ и сеньору де Рошфору²⁴. А ведь куда эти бароны пожелают склониться, склоняется и вся Бретань. Они готовы были поддерживать своего сеньора против всех людей, за исключением лишь короля Франции. И знайте достоверно, что я никоим образом не могу усмотреть и представить,

¹⁶ В оригинале сказано «de croniquier et historier tout au long de la matiere».

¹⁷ Жан IV де Монфор (12 апреля 1339 г. – 1 ноября 1399 г.), герцог Бретонский с 1364 г.; сын графа Жана де Монфор-л'Амори (1295 – 1345), который был претендентом на герцогство Бретонское с 1341 г., и Жанны Фландрской (ум. 1374). Воспитанный при дворе короля Эдуарда III, Жан IV де Монфор в 1364 г. получил власть над Бретанью, победив своего соперника Карла де Блуа в битве при Орэ благодаря английской военной поддержке. В дальнейшем он не ещё раз прибегал к помощи англичан в своих конфликтах с бретонской знатью и французским престолом. Был женат: 1) с июля 1355 г. на Марии Английской (1344 - 1362), дочери короля Эдуарда III; 2) с мая 1366 г. на Джоанне Холланд (1350 – 1384), дочери Томаса Холланда и Джоанны Кентской; 3) с 11 сентября 1386 г. на Жанне Наваррской (1370 – 1437), дочери короля Карла II Наваррского и Жанны Французской. Два первых брака были бездетными; сыновья от третьего брака, Пьер и Артур, наследовали бретонский престол.

¹⁸ Битва при Орэ состоялась 29 сентября 1364 г. Город Орэ находится на южном побережье Бретани (департ. Морбиан, округ Лорьяна).

¹⁹ Ги XII де Лаваль (после 1327 г. – 21 апреля 1412 г.), второй сын Ги X де Лавалья и Беатриссы Бретонской. Наследовал своему старшему брату Ги XI де Лавалю в 1348 г. как сеньор де Лаваль и д'Акиньи, виконт Реннский и барон Витре. Состоял в браке с: 1) Луизой де Шатобриан, 2) Жанной де Лаваль, вдовой Бертрана дю Геклена.

²⁰ Робер II де Бомануар (ум. 16 июля 1407 г.), сын Жана IV де Бомануара (ум. 1367) и Маргариты де Роган, дочери Алэна VII де Рогана. В 1385 г. наследовал своему старшему брату Жану V де Бомануару как сеньор де Бомануар, де Мердриньяк и де Ла-Ардуинэ; был наследственным маршалом Бретани. Не будучи женат, не оставил после себя законных наследников. Похоронен в аббатстве Сен-Маглуар де Леон.

²¹ Жерар V Шабо, сеньор де Рэ /Рец (ум. 1399), сын Жерара IV Шабо, сеньора де Рэ / Рец (ум. 1344), и Катерины де Монморанси. Состоял в браке с Филиппой Бертран де Брикбек.

²² Жан I, виконт де Роган (1324 – 1395), сын Алэна VII, виконта де Рогана (ум. 1352), и Жанны де Ростренен. Был женат: 1) с 1349 г. на Жанне де Леон (ум. 1372), дочери Эрве VII, сеньора де Леона, и Маргариты д'Авогур; 2) на Жанне Наваррской

²³ Шарль де Динан-Монтафилян (ум. 19 сентября 1418 г.), сын Ролана IV де Динан-Монтафилана (ум. 1364) и Жанны де Кран, дочери Амори III (ум. 1333), сеньора де Крана и де Сабле; в 1364 г. наследовал отцу как сеньор де Монтафилян, де Шатобриан, де Виоро и кастелян Дезерский. Состоял в браке с: 1) Жанной, наследной баронессой д'Ансени (ум. 1376); 2) Констанцией де Козтелан, вдовой Эвана дю Фу; 3) Жанной де Бомануар (ум. 1399), наследной госпожой де Бомануар, де Мердриньяк и де Ла-Ардуинэ.

²⁴ Жан II де Рё (ок. 1342 – 1417), сын Жана I де Рё (ум. 1357) и Изабеллы де Клиссон (ум. 1343), дочери Оливье IV де Клиссона и Жанны де Бельвиль. В 1374 г. женился на Жанне де Рошфор, виконтессе де Донж, баронессе д'Ансени, госпоже де Рошфор, д'Ассерак, де Шатонёф-ан-Сен-Мало и де Ранруэ. Отличился на военной службе у Карла VI Французского, который назначил его маршалом Франции своим указом от 19 декабря 1397 г. По состоянию здоровья, Жан II де Рё оставил эту должность 12 августа 1417 г. и вскоре скончался в своём замке Рошфор, где и был упокоен.

чтобы бретонцы в своём большинстве не оберегали честь и корону Франции из всех своих сил. Это может ясно заметить любой, кто прочёл всё описанное ранее в этой истории. Ведь эта история несколько не искажена ради милостей монсеньора Ги, графа Блуа²⁵, который велел мне её составить, как вы можете видеть, и заплатил за это так хорошо, что я остался весьма доволен. (Он был племянником, близким, как сын, графа Людовика де Блуа²⁶, родного брата Святого Карла де Блуа²⁷, который до конца жизни оставался герцогом Бретани). Нет, в самом деле! Я желаю говорить одну лишь правду и пройти по лезвию бритвы, не приукрашивая ни ту, ни другую сторону. Также и благородный сеньор, граф, который велел мне создать и составить эту историю, вовсе не желал бы, чтобы я построил её на чём-нибудь ином, кроме правды.

Но вернёмся к начатой теме. Вы знаете, что когда герцог Жан Бретонский понял, что не сможет навязать свою волю баронам, то стал весьма опасаться, как бы они не взяли его насильно и не доставили пленником к королю Франции²⁸. Поэтому герцог потихоньку отбыл из Бретани и увёз в Англию весь свой двор и свою супругу, госпожу Джоанну Холланд²⁹, которая была дочерью доброго рыцаря мессира Томаса Холланда³⁰, а также сестрой короля Ричарда Английского³¹. Сначала он задержался в Англии на какое-то время, а затем прибыл во Фландрию к графу Людовику³², своему двоюродному брату, каковой продержал его у себя

²⁵ Ги II де Блуа-Шатийон (? – 22 декабря 1397 г.), третий сын Людовика I, графа Блуа, и Жанны де Бомон, графини Суассонской. В 1382 г. унаследовал от своего старшего брата Людовика II графство Блуа, а также обширные владения в Эно (Шимэ, Бомон, Авен) и в Голландии (Скоонховен, Гауда). Ок. 1375 г. женился на Марии, дочери графа Гильома Намюрского. В 1392 г. продал почти все свои владения младшему брату короля Карла VI, Людовику Туреньскому. Ги II де Шатийон долгое время был щедрым покровителем Фруассара.

²⁶ Людовик I де Блуа-Шатийон (? – 1346), сын Ги I де Блуа-Шатийона (ум. 1342), графа Блуаского, и Маргариты де Валуа, сестры короля Филиппа VI Французского. Ок. 1331 г. женился на Жанне, дочери Жана д'Эно, сеньора де Бомона, и получил в приданое ряд владений в Северной Франции и графстве Эно (графство Суассон, сеньории Гиз, Авен и др.). Унаследовал от отца графство Блуа в 1342 г. Погиб в битве при Креси (1346). Погребён в церкви Ла-Гиш, рядом с городом Блуа.

²⁷ Карл де Блуа-Шатийон (1319 – 1364), младший брат предыдущего. В 1337 г. женился на Жанне де Пантьевр, племяннице герцога Жана III Бретонского. После смерти герцога начал борьбу с Монфорским домом за бретонское наследство. В 1347 г. был взят в плен англичанами при осаде бретонского города Ла-Рош-Дерьена. В августе 1356 г. выкупился и продолжил войну. Погиб в битве при Орэ 29 сентября 1364 г. Среди своих знатных современников Карл де Блуа выделялся особой набожностью и благочестием. В 70-е гг. XIV столетия была предпринята попытка его беатификации, которая, однако, не увенчалась успехом из-за противодействия герцога Бретонского, Жана IV де Монфора. Карл де Блуа был канонизирован только в 1904 г.

²⁸ Карл V Мудрый (21 января 1338 г. – 16 сентября 1380 г.), старший сын короля Иоанна II Доброго и Бонны Люксембургской, дочери Иоанна Слепого, графа Люксембурга и короля Чехии; дофин Вьеннский с 1350 г., герцог Нормандский с 1355 г. Стал регентом королевства после пленения отца в битве при Пуатье (1356), наследовал ему в 1364 г.; 8 апреля 1350 г. женился на Жанне Бурбонской, дочери Пьера I, герцога Бурбонского.

²⁹ Джоанна Холланд (1350 – 1384), старшая дочь Томаса Холланда и Джоанны Кентской; в мае 1366 г. вышла в Лондоне замуж за Жана IV де Монфора, герцога Бретонского. Это брак был бездетным.

³⁰ Томас Холланд (ок. 1314 г. – 26 декабря 1360 г.), сын Роберта (ум. 1328), 1-го барона Холланда из Ланкашира, и Мод де Ла-Зуш; наследовал отцу как 2-й барон Холланд в 1328 г. Участвовал во многих военных компаниях Эдуарда III. Примерно в 1340 г. Томас тайно обвенчался с 12-летней Джоанной Кентской, дочерью Эдмунда Вудстока, 1-го графа Кентского. Затем, во время его отсутствия за границей, Джоанна была выдана замуж за Вильяма Монтэгю, 2-го графа Солсбери. Однако в 1349 г. этот брак был аннулирован, и Джоанна официально была признана женой Томаса Холланда. В 1352 г. скончался брат Джоанны, Джон, граф Кентский, и Томас Холланд на правах своей жены стал графом Кентским.

³¹ Ричард II Плантагенет (6 января 1267 г. – ок. 14 февраля 1400 г.), внук Эдуарда III (ум. 1377), сын Эдуарда Вудстока, принца Уэльского (ум. 1376), и Джоанны Кентской. Наследовал деду как король Англии в 1377 г. Почти всё его правление было отмечено противостоянием с недовольными баронами. В 1399 г. Ричард II был низложен; скончался в замке Понтефракт примерно 14 февраля 1400 г.

³² Людовик II Мальский (1330 – 1384), граф Фландрии, Невера, Ретеля, Артуа и Франш-Контэ. Сын Людовика I (1304 – 1346), графа Фландрии, Невера и Ретеля, и Маргариты Французской (1310 – 1382), графини Артуа и Франш-Контэ. Состоял в браке с Маргаритой Брабантской (1323 – 1368).

более восемнадцати месяцев. В конце концов Бретонская земля позвала герцога назад, и он вернулся туда по доброму согласию. Тем не менее, даже после его возвращения в Бретань, некоторые города были мятежны и закрыты для него, особенно город Нант. Однако все прелаты, бароны и рыцари страны были на его стороне, за исключением лишь баронов, названных выше. Желая добиться их подчинения и покорности, герцог стал действовать при поддержке многих цитаделей и добрых городов, которые довольно быстро согласились на это, чтобы тем самым дать острастку королю Франции и его совету. Ведь те желали угнетать их налогами и поборами, как уже делали это с горожанами Франции и Пикардии. Однако герцог не потерпел бы этого ни в коем случае, и его страна тоже. И вот герцог обратился к королю Английскому и его совету, чтобы ему оказали поддержку и помощь, прислав латников и лучников. При этом герцог твёрдо ручался и уверял: когда король Англии или один из его дядьёв пожелает прибыть в Бретань с войском, он найдёт страну полностью открытой и готовой принять его.

Король Англии и его совет были весьма обрадованы этими вестями. Предложение герцога показалось им выгодным, и они не могли сделать ничего лучше, как послать ему войско, поскольку думали, что Бретань к тому готова и их война теперь пойдёт намного успешнее. Вот и послали они графа Бэкингема³³ с четырьмя тысячами латников и восьмью тысячами лучников. Как более подробно рассказано выше, англичане высадились в Кале³⁴, проследовали через всё королевство Французское и при этом не нашли, с кем сразиться. Постоянно требуя от противника битвы, они двигались вперёд, пока не прибыли в Бретань. Они думали найти страну открытой и готовой принять их на отдых и постой, ибо, по правде говоря, они проделали долгий и трудный путь. Однако их ждало совсем иное, ибо вассалы и подданные герцога Бретонского помогли ему путём переговоров прийти к примирению с юным королём Франции, хотя с прежним королём Карлом³⁵, его отцом, мир был невозможен: слишком тот ненавидел герцога.

Герцог Филипп Бургундский³⁶, возглавлявший тогда правительство королевства Французского, очень сильно помог герцогу заключить этот мир, уступая просьбам своей

---

³³ Томас Вудсток (1355 – 1397), младший сын короля Эдуарда III Английского и Филиппы д'Эно. В 1377 г. был посвящен в рыцари и получил титул графа Бэкингема. Позднее, примерно в 1385 г., стал герцогом Глостера. Состоял в браке с Элеонорой Боэн. В 1388 г. возглавил мятеж английской знати против своего племянника, короля Ричарда II, и сумел значительно ослабить его власть. Однако в итоге Томас Вудсток был арестован и убит в темнице, вероятно, по приказу короля.

³⁴ В ответ на просьбы герцога Бретонского Жана IV де Монфора, английское правительство решило оказать ему военную помощь против французов и мятежных бретонцев. В июле 1380 г. Томас Вудсток высадился с войском в Кале. Беспрепятственно проследовав через королевство Французское, он прибыл в Бретань и осадил город Нант в ноябре 1380 г. Однако собственных сил англичан для осады было не достаточно, а герцог Бретонский уже успел помириться с новым королем Франции, Карлом VI. Поэтому Томас Вудсток был вынужден вернуться в Англию без каких-либо важных результатов.

³⁵ Т.е. с Карлом V Мудрым.

³⁶ Филипп Храбрый (1342 – 1404), четвёртый сын короля Иоанна II Доброго и Бонны Люксембургской; первый герцог Бургундский из династии Валуа. Своё прозвище получил за доблесть, проявленную в битве при Пуатье 19 сентября 1356 г.: до конца оставаясь рядом с отцом, он попал в плен вместе с ним. Вернувшись из плена во Францию, Иоанн II пожаловал сыну в апанаж герцогство Туреньское (1360), которое затем поменял на герцогство Бургундское (1363). В 1369 г. Филипп Храбрый женился на Маргарите III Фландрской, единственной дочери и наследнице Людовика II Мальского, графа Фландрского, Неверского, Ретельского, Бургундского (Франш-Конте) и Артуа. Тем самым он заложил фундамент для грядущего могущества Бургундского дома династии Валуа. С 1380 по 1388 г. Филипп Храбрый вместе с Жаном Беррийским был регентом и опекуном при малолетнем Карле VI Французском.

жены, госпожи Бургундской³⁷, которая проявила в этом деле большое участие по той причине, что герцог Бретонский доводился ей близкой родней. И пришлось герцогу Бретонскому нарушить все обязательства, данные англичанам, – ни одно из них не смог он сдержать и исполнить. Ведь никогда так не будет, чтобы бретонцы искренне перешли на сторону короля Англии, дабы воевать с королевством Французским. У них никогда не было такого намерения, и быть не может. Поэтому пришлось англичанам всю зиму провести в округе Ванна и вытерпеть столько разных тягот и лишений, сколько прежде они за раз никогда не терпели. В частности, все или почти все их кони пали от голода и бескормицы. Поэтому с наступлением летней поры англичане отбыли из Бретани столь недовольные герцогом Бретонским, что сильнее некуда. Особенно были на него сердиты граф Бэкингам и английские бароны из его войска. По возвращении в Англию они обратились со многими жалобами к королю, герцогу Ланкастеру и его совету. Поэтому было постановлено и решено освободить из плена Жана Бретонского³⁸ и доставить его в Бретань с военной силою, дабы воевать против герцога Бретонского. Англичане говорили: «Мессир Жан де Монфор хорошо знает, что именно мы дали ему власть над герцогством Бретонским и помогли овладеть этой сеньорией. Без нас он никогда бы этого не достиг. Однако теперь он сыграл с нами злую шутку, заставив напрасно потрудиться, собрать в поход наших людей и истратить королевские деньги». – «Хорошо же, – говорили они, – вот что теперь надо сделать. Надлежит указать ему на его неблагодарность. Мы не можем отомстить ему лучше, кроме как проявив милость к его противнику. Если мы освободим Жана Бретонского и доставим его в Бретань, ему покорится вся страна – города, цитадели и замки, а Жан де Монфор, который нас так обманул, будет выставлен вон». Это решение было единодушно одобрено. Затем названный Жан Бретонский был приведён пред очи короля и сеньоров, и они сказали, что сделают его герцогом Бретани, полностью отвоюют для него бретонское наследство и дадут ему в жёны госпожу Филиппу Ланкастер³⁹, дочь герцога Ланкастера, но только с условием, что он согласится держать герцогство Бретань от короля Англии на основе клятвы верности и оммажа. Однако он не пожелал этого сделать. Он был вполне согласен взять в жёны дочь герцога Ланкастера, но дать клятву против короны Франции – этого он не сделал бы никогда, даже если бы ему пришлось провести в плену ещё столько же лет, сколько он уже провёл. И потом, в течение всей его жизни, от него не смогли добиться ничего иного. Когда король и его советники увидели это, то передумали оказывать ему милость, и был он отослан назад, под охрану мессира Жана д'Обресикура⁴⁰, как более подробно описано выше.

³⁷ Маргарита III Фландрская (13 апреля 1350 г. – 16/21 марта 1405 г.), дочь Людовика II Мальского (ум. 1384), графа Фландрского, и Маргариты Брабантской. В первом браке была замужем за Филиппом Руврским (ум. 1361), последним герцогом Бургундским из династии Капетингов, во втором браке – за Филиппом Храбрым (см. выше), первым герцогом Бургундским из династии Валуа.

³⁸ Жан I де Блуа-Шатийон (5 февраля 1345 г. – 16 января 1404 г.), сын Карла де Блуа-Шатийона (ум. 1364) и Жанны де Пантьевр; граф де Пантьевр и виконт Лиможский с 1364 по 1404 г. В 1356 г. был отдан англичанам в качестве заложника и содержался в Глостерском замке. В 1386 г. был выкуплен из английского плена при помощи Оливье V де Клиссона за 60 тысяч франков. 20 января 1387 г. женился в Монконтуре на Маргарите де Клиссон, дочери Оливье V де Клиссона.

³⁹ Филиппа Ланкастер (31 марта 1360 г. – 19 июля 1415 г.), старшая дочь Джона Гонта, герцога Ланкастера, и Бланки Ланкастер; 14 февраля 1387 г. вышла замуж за короля Жоана I Португальского (ум. 1433); была королевой Португалии с 1387 по 1415 г.

⁴⁰ Жан д'Обресикур – вероятно, младший сын Николя д'Обресикура, сеньора де Бюнькура. В одной грамоте от 12 января 1385 г. он назван в числе рыцарей, которые отправляются в Португалию. Фигурирует также в рассказе Мишеля Пентуэна («монаха из Сен-Дени») о джостре, состоявшейся в Сент-Энглевере (1390). Был

Однако надлежит вам знать, что я завёл речь обо всех этих событиях ради дел, которые затем воспоследовали и явно исходили от герцога Бретонского. Ведь герцог хорошо чувствовал и понимал, что он оказался в очень большой немилости у всей английской знати и простонародья. По его мнению, эта враждебность и ненависть стали следствием похода, который граф Бэкингем и англичане совершили через Францию. Ведь, когда они явились в Бретань, их ждало совсем обратное тому, что герцог им прежде пообещал. Теперь король Англии и его дядья уже не писали герцогу столь дружелюбно и откровенно, как много раз делали раньше – ещё до того, как состоялся поход графа Бэкингема во Францию. И герцог забеспокоился больше прежнего, когда узнал, что англичане собираются полностью освободить из плена Жана Бретонского и вернуть его в Бретань. Герцог думал и говорил, что англичане затеяли это, чтобы ему досадить.

Тогда возник у герцога удивительный замысел. Он стал напрягать воображение, чтобы найти средство от всех неприятностей, за короткое время вернуть дела в доброе состояние и скрытными путями устроить так, чтобы англичане были ему признательны. Герцог хорошо знал, что если и есть на свете человек, которого англичане опасаются больше всех остальных, то это мессир Оливье де Клиссон, коннетабль Франции. Ведь, по правде говоря, мессир Оливье денно и нощно только и думал, как бы нанести англичанам вред и урон. И, действительно, это именно он сначала замыслил и устроил сбор корабельной рати в Эклюзе, а затем, как уже сказано, стал главой и предводителем морских сил, которые собирались в нормандском Арфлёре и в бретонском Трегье.

Поэтому герцог решил в уме, что сорвёт и расстроит готовящийся морской поход, дабы угодить англичанам, вернуть себе их расположение и совершенно ясно показать, что он не придаёт большого значения дружбе и милостям французов. При этом он не собирался строго приказывать своим людям, чтобы никто, мол, под страхом потери наследственных земель, не ехал в Англию. Вовсе нет, ибо так он слишком явно показал бы, что считает эту войну своей. Однако он желал исполнить и осуществить свой замысел более ловко и скрытно. «И как же, – спрашивал сам себя герцог, – можно это сделать по-честному? Нет, без урона для чести сие невозможно». Тем не менее он решил, что сделает это теперь или никогда: схватит коннетабля Франции и велит его убить или утопить. Англичане будут ему за это признательны, ибо ненавидят коннетабля, и герцогу не придётся иметь дело ни с кем, кроме семейства коннетабля, которое не было настолько влиятельно, чтобы вести с ним войну. Ведь у коннетабля были только две дочери, одну⁴¹ из которых взял замуж Жан Бретонский, а другую⁴² – виконт де Роган. Против них и против всего их линияжа герцог легко бы управился. Таким образом, ему нужно было убить лишь одного бретонца, не имевшего ни родственников, ни друзей, которые могли бы начать из-за него войну.

[2]

О том, как герцог Бретонский созвал всех баронов и рыцарей на совет в город Ванн,

---

капитаном Кале в 1399 г. В феврале 1400 г. был указан как один из судей апелляционного суда, сформированного в Бордо (KL, t. 20, p. 200).

⁴¹ Маргарита де Клиссон (ок. 1372 – 1441), младшая дочь Оливье V де Клиссона и Катерины-Беатрисы де Лаваль; 20 января 1387 г. вышла замуж за Жана I де Блуа-Шатийона, графа де Пантьевра.

⁴² Беатриса де Клиссон (до 1366 – 1448), старшая дочь Оливье V де Клиссона и Катерины-Беатрисы де Лаваль. В 1380 г. вышла замуж за Алэна VIII де Рогана (ум. 1396), сына и наследника Жана I, виконта де Рогана (ум. 1396). Принесла мужу в приданое сеньорию Блэн и графство Пороз.

а затем попросил коннетабля посетить свой замок л'Эрмин, где и взял его в плен вместе с сиром де Бомануаром

На этом замысле, который я вам описал, герцог полностью остановился и утвердился. Затем, дабы прийти к своей цели, он прибыл в Ванн⁴³ и велел собрать там большой совет из баронов и рыцарей Бретани. Герцог очень мягко просил их в письмах, чтобы все туда прибыли. Но особенно проникновенно он просил коннетабля, чтобы тот вовсе не преминул явиться, ибо он, герцог, будет больше рад его видеть, чем кого-либо другого.

Коннетабль вовсе не мог и не хотел отговариваться. Ведь, поскольку герцог Бретонский был его естественным сеньором, он весьма желал снискать его благоволение. Вот и прибыл он в Ванн. Так же сделало и множество баронов Бретани. Совещание было большим и долгим, ибо на нём обсуждались многие вопросы, касавшиеся герцога и страны. Однако в ходе всех этих обсуждений ничего не говорилось о походе в Англию, который вот-вот должен был начаться. Сам герцог не желал показывать, что знает об этом хоть что-нибудь, и притворялся неосведомлённым.

После проведения совещания в городе Ванне, в замке под названием Ла-Мотт, герцог дал баронам Бретани очень пышный обед и долго занимал их весёлыми развлечениями и любезными разговорами. Лишь с наступлением ночи они вернулись в свои отели или в бург⁴⁴, расположенный за пределами города. На следующий день коннетабль, считая своим долгом сделать приятное всем рыцарям и оруженосцам Бретани, которые там находились, велел звать их к себе на обед. Некоторые пришли, а другие вернулись в свои дома, чтобы проститься с отцами, братьями, женами или иными родственниками. Ибо намерение коннетабля состояло в том, чтобы вскоре выехать из Ванна и напрямик направиться к флотилии, которая дожидалась его в Трегье. Герцог Бретонский был хорошо осведомлён об этом, но хранил молчание, поскольку, как уже сказано, вовсе не желал показать, что знает что-либо.

И вот, когда этот обед, на котором присутствовало большинство баронов Бретани, уже близился к завершению, явился туда герцог Бретонский. Вид у него при этом был самый дружелюбный. Однако он хорошо знал, какой умысел и желание лежит у него на сердце. А больше никто не мог этого знать, кроме лишь тех, кому он тайно открылся. Когда он вошёл в отель коннетабля, было объявлено: «Вот монсеньор герцог!» Тут все бароны поднялись с мест и оказали ему весьма тёплый приём, как и надлежит делать в отношении своего сеньора. Проявляя очень большую скромность, герцог присоединился к их обществу: сел вместе с ними и стал пить и есть, словно бы из благоволения и любви к ним. Выказав им больше дружеских знаков, чем когда-либо прежде, он сказал: «Милые господа, мои друзья и товарищи! Бог да ведёт вас, дабы вы могли уехать и вернуться с радостью! Пусть он поможет вам совершить такие ратные деяния, которые будут вам почётны и приятны!» Бароны ответили: «Монсеньор, Бог да воздаст вам тем же!» Все были очень растроганы, что герцог столь скромно пришёл повидаться и проститься с ними.

⁴³ Ванн (Vannes) – город у южного побережья Бретани (департ. Морбиан).

⁴⁴ Бург – в данном случае укреплённое городское предместье.

Вам следует знать, что в ту пору герцог велел возвести, довольно близко от Ванна, один замок, очень красивый и удивительно мощный. Этот замок назывался л'Эрмин⁴⁵ и был уже почти полностью построен. И вот, желая поймать в ловушку названного коннетабля, герцог обратился с просьбой к нему, а также к сеньору де Лавалю⁴⁶, сеньору де Бомануару⁴⁷ и другим баронам, которые там находились. Он сказал так: «Милые господа! Я прошу, чтобы перед вашим отбытием вы соизволили посетить мой замок л'Эрмин. Вы увидите, как я велел его отстроить и продолжаю ежедневно следить за работами». Все согласились исполнить его просьбу, ибо внешне он вёл себя столь дружелюбно и доверительно, что они думали о нём лишь наилучшее и никак не могли ему отказать. И вот все рыцари или большинство из них сели на коней и поехали вместе с герцогом в л'Эрмин, ибо замок стоял неподалёку.

Когда герцог Бретонский, коннетабль, сир де Лаваль, сир де Бомануар и некоторые другие рыцари прибыли в замок, они спешили и вошли внутрь. Герцог взял их за руки и повёл из комнаты в комнату, из постройки в постройку, и при этом все отзывались о сделанном с большой похвалой. Совершив круговой обход, герцог подвёл их к погребу и угостил вином. Затем он подошёл к главной башне и остановился у дверного входа. Там он сказал коннетаблю: «Мессир Оливье, по сию сторону моря нет человека, который бы лучше вас разбирался во всяком каменном строительстве. Я вас прошу, милый сир, чтобы вы поднялись наверх. Тогда вы сможете мне сказать, как возведена эта башня. Если всё сделано хорошо, она останется в этом виде, а если плохо – я велю её перестроить».

Не заподозрив ничего худого, коннетабль сказал: «Идите вперёд, монсеньор, и я за вами последую». – «Нет, ответил герцог, – вы пойдёте один. А я пока поговорю тут немного с сеньором де Лавалем». Желая скорее исполнить просьбу герцога, коннетабль вошёл в башню и стал подниматься по лестнице. Когда он миновал первый этаж, люди, сидевшие там в засаде в одной из комнат, открыли дверь. Затем некоторые пошли затворить нижний выход, а другие, которые были полностью вооружены и хорошо знали, что им надлежит делать, двинулись следом за коннетаблем и набросились на него. Наверху башни была одна комната с каменным полом. Коннетабля схватили, скрутили и затолкали в неё. Там его заковали в три пары очень толстых цепей. И сказали ему те, кто его схватил и заковал: «Монсеньор, ради Бога, простите нас за то, что мы делаем, ибо у нас нет выбора. Так нам строжайше повелел и приказал монсеньор Бретонский».

Если коннетабль Франции, Оливье де Клиссон, был тогда встревожен, этому не следовало удивляться, ибо на то была большая причина. Тем днём он, должно быть, немало изумился тому, что с ним приключилось. Ведь с тех пор как между ним и герцогом Бретонским вспыхнула ненависть, какие бы письма герцог ему ни писал, с какими бы просьбами к нему ни обращался и какие бы охранные грамоты в оба конца ни обещал ему прислать, ни разу не согласился названный мессир Оливье явиться к нему, ибо не решался ему довериться и положиться на его ручательство. Однако теперь он проникся к нему доверием, из-за чего и оказался в крайне тяжёлом положении. Ведь он очень хорошо чувствовал, что герцог его ненавидит и весьма сурово настроен против него, как теперь явствовало из его поведения.

⁴⁵ В оригинале – *l'Ermine*. Замок л'Эрмин находился примерно в полутора километрах к юго-востоку от города Ванна.

⁴⁶ Ги XII де Лаваль (см. примеч. №19).

⁴⁷ Робер II де Бомануар (см. примеч. №20).

Когда сир де Лаваль, который находился внизу, у входа в башню, услышал и увидел, что первую дверь закрыли и заперли перед ним на засов, то затрепетал всем сердцем. Его сразу охватили подозрения по поводу его зятя, коннетабля. Посмотрев на герцога, он заметил, что тот стал более зелен лицом, чем древесный лист. Тут сир де Лаваль хорошо понял и почувствовал, что дело плохо. И молвил он герцогу: «О монсеньор! Ради Божьей милости, что вы задумали? Нет ли у вас злого умысла против моего зятя коннетабля!?» – «Сир де Лаваль, – ответил герцог, – садитесь на коня и уезжайте отсюда. Я вас не задерживаю, и вы можете уехать, когда вам заблагорассудится». – «Монсеньор, – ответил сир де Лаваль, – я не уеду без моего зятя коннетабля».

Сразу после этих слов в замок вошёл сир де Бомануар и, представ перед герцогом, обратился к нему с приветствием. Ненавидевший сира де Бомануара столь же сильно, сколь и коннетабля, герцог двинулся на него и, взявшись за свой кинжал, спросил: «Бомануар, желаешь ли ты быть в том же положении, что и твой хозяин?» – «Монсеньор, – ответил сир де Бомануар, – я думаю, что с моим хозяином всё хорошо». – «И тем не менее я тебя спрашиваю, – сказал герцог, – желаешь ли ты быть таким же, как он?» – «Да, монсеньор», – сказал рыцарь. Тогда герцог выхватил свой кинжал и, взяв его за острие, молвил: «Так, так, Бомануар, поскольку ты хочешь быть таким же, как он, тебе надлежит окриветь на один глаз». Сир де Бомануар видел, что дело оборачивается худо, ибо герцог был более зелен лицом, чем древесный лист. Поэтому он опустил перед ним на одно колено и молвил: «Монсеньор, я настолько уверен в вашей доброте и благородстве, что знаю: если угодно Богу, вы не совершите с нами никакой несправедливости. Ибо мы находимся в вашей милости, и прибыли сюда лишь по доброй дружбе и любви, а также по вашей просьбе и приглашению. Так не покройте же себя бесчестьем, исполняя какое-нибудь безумное желание, если оно у вас есть относительно нас». – «Ну, иди, иди, – сказал герцог, – с тобой поступят не хуже и не лучше, чем с ним». Тогда те, кому было приказано, отвели сира де Бомануара в одну комнату и заковали в три пары цепей. Если он был испуган, то имел к тому большую причину, ибо чувствовал, что герцог нисколько не любит его с коннетаблем, и им нельзя рассчитывать ни на что хорошее.

Между тем по замку и городу распространилась новость, что коннетабль Франции и сир де Бомануар задержаны, равно как и сир де Лаваль, но оный может уехать, когда пожелает, ибо герцог ничего с него не спрашивает. Если все люди, слышавшие разговоры об этом, были встревожены, на то была большая причина; ибо все говорили, что герцог велит умертвить пленников, поскольку испытывает к ним смертельную ненависть.

Рыцари и оруженосцы, к которым пришли эти вести, очень сильно порицали герцога и говорили: «Никогда ещё не было видно в каком-нибудь принце столь великого изъяна, какой теперь виден в герцоге Бретонском! Он попросил коннетабля Франции прийти к нему на обед. Тот согласился, а затем, по приглашению же герцога, прибыл поглядеть на строительные работы в его замке л'Эрмин. Герцог угостил коннетабля своим вином и тут же взял его под стражу. Никто и никогда не слышал о чём-нибудь подобном! Что же теперь герцог думает делать? Он уже полностью себя обесчестил – дальше некуда! Никогда уже не будет доверия ни к одному высокородному принцу после того, как герцог пошёл на такой обман: способами нечестными и коварными заманил этих достойных, отважных мужей к себе замок, а затем их пленил! Что скажет король Франции, когда до него дойдут вести об

этом? Ведь теперь морской поход из Нормандии и Бретани полностью сорван. Доселе такое большое злодейство было немыслимо. Теперь герцог явно показал то, что втайне держал у себя на сердце. Видел ли кто-нибудь в Бретани или иных местах подобные случаи? Если бы это сделал какой-нибудь мелкий рыцарь, его с позором гнали бы отовсюду. К кому ещё можно и должно питать доверие, как не к своему сеньору? А сеньор должен справедливо править своими подданными, обеспечивая для них правосудие. Кто возьмётся исправить это злодеяние и кто способен на это, кроме короля Франции и его благородного совета? Ныне герцог Бретонский совершенно ясно показал, что по духу он англичанин и желает поддерживать сторону короля Англии, коль скоро он сорвал и расстроил это предприятие, морской поход. Что же теперь должны делать рыцари и оруженосцы Франции, к которым придут вести об этом? Конечно, они срочно должны выступить с оружием из своих домов и, придя к замку л'Эрмин, подвергнуть его осаде. Заперев там герцога, они должны взять его живым или мёртвым, а затем, как лживого и вероломного принца, доставить к королю Франции и сдать ему в руки, дабы он покарал герцога, как подскажет его благородный совет».

Так говорили рыцари и оруженосцы, которые находились в округе Ванна и которые вместе с сеньорами участвовали в проходившем там совещании. При этом они испытывали большое опасение, как бы герцог не приказал убить коннетабля Франции и сира де Бомануара. Однако некоторые говорили: «Сир де Лаваль, шурина коннетабля, остался с герцогом и не допустит этого ни в коем случае. Он столь умен, что, так или иначе, сладит с герцогом в этом деле. Он на это большой мастер». И действительно, сир де Лаваль сдерживал герцога, сколь только мог, а если бы не он, коннетабль, вне всякого сомнения, был бы убит той же ночью, даже если бы имел в запасе тысячу жизней.

Можно твёрдо верить и полагать, что мессире Оливье де Клиссону стало не по себе, когда он увидел, что его поймали в ловушку, схватили и заковали по ногам в три пары цепей. Теперь его зорко стерегли более двадцати человек, которые никак не могли его обнадёжить. Коннетабль не знал, какое поручение они имеют на его счёт и какова воля герцога, а потому в уме считал себя уже мёртвым и не питал никакой надежды дожить до утра. Три раза его охватывал сильнейший страх, и по веской причине, ибо его трижды полностью расковывали и ставили на пол. В первый раз герцог желал, чтобы ему отрубили голову, а во второй – чтобы его немедленно утопили. И с ним тотчас покончили бы одним из этих способов, если бы не решительное вмешательство и заступничество сеньора де Лавалья. Когда тот услышал повеление герцога, то пал пред ним на колени с очень горестным плачем и, сложив руки в мольбе, сказал ему: «О! Монсеньор, ради Божьей милости, одумайтесь! Не совершайте такой жестокости с моим зятем коннетаблем. Он никак не заслужил смерти! Соболаговолите сказать мне, что побудило вас ныне столь жестоко разгневаться на него? И клянусь, я заставлю его сие искупить – или сделаю это вместо него – и телом, и имуществом, даже в большей мере, чем вы сами решитесь сказать и повелеть. Монсеньор, ради Бога, вспомните, как в пору вашей юности вы с ним были товарищами и вместе росли при дворе герцога Ланкастера⁴⁸,

⁴⁸ Генрих Гросмонтский (1306 г. – 24 марта 1361 г.), сын Генриха Кривая Шея, третьего графа Ланкастера, и Мод Чаворт. В 1337 г. стал графом Дерби; в 1345 г. унаследовал от отца графства Ланкастер и Лестер, в 1349 г. стал графом Линкольна, 6 марта 1351 г. получил титул герцога Ланкастера. В 1334 г. вступил в брак с Изабеллой де Бомон (1315 – после 1356). Умер от чумы, не оставив наследников мужского пола. Его дочь Бланка (1345 – 1369), вышла в 1359 г. замуж за Джона Гонта, сына Эдуарда III, принесла ему в приданое титул герцога Ланкастера.

который был столь честным и благородным принцем, что никогда более любезного и верного не рождалось на свет. Монсеньор, ради Божьей милости, вспомните, как верно сир де Клиссон вам служил до той поры, пока не заключил мир с королём Франции. Ведь это он помог вам отвоевать ваше наследство. Вы всегда находили в нём надёжного соратника и доброго советника. И если ныне вы против него настроены из-за каких-то неверных сведений, он всё равно не заслуживает смерти». – «Сир де Лаваль, – ответил герцог, – не мешайте мне быть жестоким. Клиссон уже столько раз прогневал меня, что теперь настал час показать ему это. А вы уезжайте отсюда. Я не спрашиваю с вас ничего. Не сдерживайте меня в моей жестокости. Я желаю, чтобы он умер сейчас же!» – «О! Монсеньор, ради Божьей милости, – говорил сир де Лаваль, – обуздайте себя, смягчите ваш гнев и рассмотрите разумные доводы. Если вы велите его умертвить, то будете так обещены, как никакой иной принц до вас. И не будет в Бретани ни рыцаря, ни оруженосца, ни цитадели, ни замка, ни доброго города и вообще ни одного человека, который бы вас не возненавидел смертельно и не постарался полностью лишить вас наследства. Вместе с тем, король Англии и его совет тоже нисколько не будут вам признательны. Вы собираетесь себя погубить ценой жизни одного или двух человек. Ради Бога, примите иное решение, ибо нынешнее для вас поистине пагубно! Оно не только не выгодно, но, напротив, несёт вам слишком большое бесчестие во всех отношениях, поскольку вы собираетесь воспрепятствовать делу столь великого барона и столь благородного рыцаря, как мессир Оливье де Клиссон. И если вы прикажете его умертвить, это будет вероломство, порицаемое и здесь, и пред Богом, и по всему свету. Не вы ли сами пригласили его на обед? Он к вам пришёл. Затем вы дружелюбно позвали его в свой замок, чтобы осмотреть строительные работы. Он явился. Он повинился вам во всех случаях и пил ваше вино. И вот какую «великую любовь» вы ему теперь выказываете! Желаете предать его смерти?! Знайте же, что ещё ни одного принца не постигало столь великое бесчестье, какое в этом случае постигнет вас. Если вы с ним так поступите, весь мир будет вас порицать, склоняясь к тому, чтобы вести против вас войну. Но я вам скажу, что вы сделаете. Поскольку вы его ненавидите и ясно это показываете, назначьте за него в виде выкупа большую сумму флоринов. Вот это вы вполне можете сделать. И если он удерживает замок, город или ещё что-нибудь, на что, как вы считаете, у вас есть права, то потребуйте это. Вы всё получите, и я останусь при вас в заложниках за всё, что он пообещает вам сдать».

Не отставая от герцога ни на шаг, сир де Лаваль всю ночь донимал его мольбами и неотлучно находился рядом. Наконец, после всех его речей, герцог Бретонский стал размышлять, обуздывая при этом свою великую ярость и раздражение. И когда он заговорил, то сказал: «Сир де Лаваль, знайте, что вы послужили для него великим посредником. Я хочу, чтобы вы твёрдо знали: сир де Клиссон – тот человек, которого я ненавижу больше всего на свете. И если бы не вы, этой ночью он точно не миновал бы смерти. Ваши речи его спасли. Ступайте переговорить с ним и спросите, согласен ли он выплатить мне 100 тысяч франков звонкой монетой? (Я не возьму в заложники ни вас и никого другого, но приму только деньги). А кроме того, согласен ли он сдать мне три замка и один добрый город, которые я вам назову: Шатобур⁴⁹, Шато-Жослен⁵⁰, Ле-Блэн⁵¹ и город Жюгон⁵². Сир де Клиссон должен

⁴⁹ Шатобур (Châteaubourg) – замок в 21 км к востоку от Ренна (департ. Иль и Вилен, округ Фужер-Витре).

⁵⁰ Жослен (Josselin) – замок в 35 км к северо-востоку от Ванна (департ. Морбиан, округ Понтиви, кантон Плоэрмель).

сдать их мне лично или тем, кого я туда пошлю. Прежде этого я его не освобожу». – «Монсеньор, – ответил сир де Лаваль, – большое спасибо, что вы снизошли к моей просьбе, и будьте уверены: всё, что вы требуете, я его заставлю сделать и исполнить без обмана – три замка и город передать в ваши руки и сто тысяч франков выплатить прежде, чем он выйдет отсюда».

Сир де Лаваль был крайне обрадован, когда понял, что жизнь его зятя, сира де Клиссона, теперь находится вне опасности. Поэтому он попросил немедленно отворить большую башню, где сир де Клиссон томился великой тревогой за свою жизнь. Башню отворили только по распоряжению герцога, и никак иначе. Тогда сир де Лаваль поднялся по ступеням на верхний этаж и нашёл коннетабля, закованного в три пары цепей. Охваченный смятением, сир де Клиссон ожидал лишь смерти. Однако узрев своего шурина, сира де Лавалья, он сразу воспрянул духом, ибо подумал, что тот договорился для него о каком-нибудь соглашении. «Вперёд, – молвил сир де Лаваль тем, кто был послан туда герцогом, – снимите цепи с моего зятя де Клиссона, и я поговорю с ним». Затем он сказал сиру де Клиссону: «Милый зять, вы сделаете то, что я вам скажу». – «Да, мой шурин», – ответил коннетабль. После этих слов с него сняли цепи. Тогда сир де Лаваль отвёл его в сторону и сказал: «Поистине, милый зять, ценой великих трудов и горестных терзаний сумел я сделать так, что ваша жизнь будет сохранена. Я обеспечил ваше избавление. Но прежде чем вы отсюда выйдете, вам надлежит выплатить звонкой монетой 100 тысяч франков и ещё, помимо этого, сдать герцогу три замка и один город, а именно: Шатобур, Шато-Жослен, Ле-Блэн и город Жюгон. В противном случае, вы не получите свободы». Тогда сказал коннетабль: «Знайте, милый шурин, что я согласен на эту сделку». – «Вы правильно решили», – ответил сир де Лаваль. Затем сказал коннетабль: «Кто же возьмёт на себя труд съездить в Клиссон и другие места, чтобы собрать и доставить сюда сто тысяч франков? Кого мне послать за ними? Милый шурин де Лаваль, ехать надлежит вам». Сир де Лаваль отвечивал: «Даже не надейтесь! Я ни за что не покину замок без вас, ибо чувствую, что герцог слишком переменчив и жесток. Если в моё отсутствие он вдруг пожалеет об этой сделке из-за какой-нибудь вздорной мысли, которая может возникнуть у него по вашему поводу, всё наше дело потерпит крах». – «Но кто же тогда сможет туда поехать?» – спросил сир де Клиссон. «Здесь есть сир де Бомануар, – сказал сир де Лаваль, – который, как и вы, сидит в темнице. Он приложит всё старание, чтобы уладить дело, и похлопочет повсюду, раз больше некому». – «Хорошо, – сказал коннетабль, – спускайтесь вниз и распорядитесь обо всём, как сочтёте нужным, лишь бы мы достигли нашей цели».

[3]

*О том, как по просьбе сира де Лавалья коннетабль был отпущен за выкуп,
и как он ради своего освобождения уступил герцогу три замка и один город
и выплатил сто тысяч франков*

Когда сир де Лаваль переговорил с сиром де Клиссоном и заручился его согласием относительно выкупа, он спустился вниз и пришёл в покой герцога, который уже собирался

⁵¹ Ле-Блэн (Le Blain) – замок в 33 км к северо-западу от Нанта (департ. Атлантическая Луара, округ Шатобриан-Ансени).

⁵² Жюгон (Jugon) – город в северо-восточной части Бретани (департ. Кот-д'Армор, округ Динана, кантон Плене-Жюгон).

лечь спать, ибо всю минувшую ночь провёл без сна. Поклонившись, сир де Лаваль сказал ему: «Монсеньор, решено. Ваше требование будет исполнено. Однако вам следует освободить сира де Бомануара, дабы мой зять де Клиссон переговорил с ним. Ему будет поручено собрать сумму в 100 тысяч франков, а также сдать вашим людям город и замки, которые вы требуете». – «Хорошо, – сказал герцог, – пусть его освободят от оков и отведут вместе с Клиссоном в одну комнату. Будьте посредником на их переговорах, ибо я не желаю никого из них видеть. А когда я немного посплю, тотчас возвращайтесь ко мне. Мы с вами ещё поговорим». – «Хорошо, монсеньор», – сказал сир де Лаваль.

Затем он покинул покой герцога и пошёл с двумя приставленными к нему рыцарями прямо туда, где был закован в цепи сир де Бомануар. Крайне встревоженный, сир де Бомануар испытывал великое опасение за свою жизнь. Когда открылась дверь комнаты, он решил, что это пришли за ним, дабы его казнить. Однако при виде сеньора де Лавалья он слегка приободрился, а потом ещё больше, когда услышал от него: «Сир де Бомануар, ваше освобождение – дело решённое. Возрадуйтесь». После этих слов он был раскован и отведён в зал.

Затем сходили за коннетаблем и отвели его вниз, в одну комнату, где уже находились сир де Бомануар и сир де Лаваль; и туда же принесли предовольно вина и еды. И знайте, что все придворные герцога очень обрадовались, когда узнали, что дело идёт и оборачивается к лучшему. Ведь они не одобряли того, что сделали с коннетаблем и сеньором де Бомануаром, но исправить ничего не могли, ибо им приходилось повиноваться приказам своего сеньора, справедливым или нет.

И поистине, после того как ворота замка были заперты и подъёмный мост поднят, ни мужчина, ни женщина не могли войти в верхний замок или выйти из него, ибо ключи хранились в покое герцога. Поэтому все оставались в замке до поры его пробуждения. А когда герцог встал, была уже ранняя терция. К тому времени оруженосцы и слуги, которые за пределами замка ожидали своих сеньоров и хозяев, были совсем встревожены. Призадумавшись, они сказали: «То, что сделали с одним, сделали и с другим».

Между тем весть о случившемся уже донеслась до Трегье, и говорили друг другу многие: «Вы ещё не знаете? Герцог Бретонский увёл в свой замок л'Эрмин сира де Клиссона, коннетабля Франции, сира де Лавалья и сеньора де Бомануара. И скорее всего, он велит их умертвить, если уже не велел». Там можно было видеть рыцарей и оруженосцев, охваченных удивлением и тревогой; и говорили между собой эти товарищи: «Теперь это лето потеряно и морской поход сорван. Эх, коннетабль, что с вами случилось? Вас подвела слишком большая неосмотрительность. Множество бед от этого приключится. Сопещание, проходившее в Ванне, было созвано и устроено единственно для того, чтобы поймать вас в ловушку. Вы обычно соблюдали такую осторожность (с ней бы вам и оставаться!), что если бы даже герцог Бретонский пригласил вас 500 раз и прислал вам 500 охранных грамот, вы всё равно к нему не явились бы, – настолько его остерегались и опасались угодить к нему в руки. А теперь вы попались просто и незадачливо. Очень сильно не повезло вам нынче». Так оплакивали коннетабля люди по всей Бретани и не знали, что сказать и что сделать. Когда эти вести доходили до рыцарей и оруженосцев, они говорили: «Чего ради мы должны бездействовать? Почему мы все не идём на л'Эрмин, чтобы запереть и осадить там герцога? Если он уже велел умертвить коннетабля, надо ему отомстить, а если он держит его в

темнице – сделать так, чтобы он его выдал. Ведь никогда ещё столь великая беда не случалась в Бретани, какая случилась ныне! Пленение коннетабля и других баронов может стать причиной того, что весь морской поход будет сорван». Так говорили разные люди, но никто ещё не двинулся с места, ожидая новых вестей. А вести постоянно бежали, летели и сновали по Бретани и другим землям, так что достигли Парижа менее чем за два дня. Услышав их, король и его дядья, герцоги Беррийский⁵³ и Бургундский, были очень сильно удивлены. В те дни герцог Бурбонский⁵⁴ уже отбыл от них. Он собирался совершить поход в Кастилию⁵⁵, но перед этим решил повидать в Авиньоне Святого Отца Климента⁵⁶. Поэтому вести застали его в пути, когда он находился, я полагаю, в Лионе-на-Роне⁵⁷ вместе со своим племянником, графом Савойским⁵⁸.

Граф де Сен-Поль, сир де Куси и адмирал Франции, находившиеся в Арфлёре, были полностью готовы к тому, чтобы выйти в море и начать свой поход, когда к ним пришли вести о том, что герцог Бретонский схватил и удерживает в своём замке л'Эрмин коннетабля Франции, сира де Лавалья и сира де Бомануара. И говорили те, кто принёс новость: «По всем землям Бретани бежит и летит общая молва, что герцог, по меньшей мере, уже велел умертвить коннетабля Франции и сира де Бомануара, ибо он смертельно их ненавидит».

Когда вышеназванные сеньоры слышали эти новости, то сочли их слишком тяжелыми, жестокими и никак не могли надивиться. Некоторые сразу сказали: «Наш поход сорван. Дадим отпуск всем воинам, а сами поедem в Париж к королю. Там и узнаем, что он пожелает сказать и сделать». Адмирал Франции сказал в ответ на эти речи: «Будет хорошо, если мы съездим в Париж, но отпуск воинам давать не следует. Может случиться, что их пожелают использовать в других местах: либо в Кастилии, куда сейчас направляется монсеньор де Бурбон, либо в Бретани против герцога. Неужели вы думаете, что король Франции должен

⁵³ Жан Беррийский, по прозвищу Великолепный (30 ноября 1340 г. – 15 июня 1416 г.), третий сын короля Иоанна II Доброго и Бонны Люксембургской; в октябре 1360 г. получил в апанаж от отца герцогство Беррийское и титул пэра. Был заложником за отца в Англии с 1360 по 1367 г. Состоял в браке с: 1) Жанной д'Арманьяк (ум. 1387), 2) Жанной, графиней Булоньской и Оверньской (1378 – 1422). Прославился как неуёмно расточительный коллекционер и меценат. С 1380 по 1388 г. вместе со своим братом Филиппом Храбрым, герцогом Бургундским, был регентом и опекуном при малолетнем Карле VI.

⁵⁴ Людовик II Добрый (4 февраля 1337 г. – 10 августа 1410 г.), сын Пьера I (1311 – 1356), герцога Бурбонского, и Изабеллы де Валуа, дочери Карла I, графа Валуа; его родная сестра, Жанна де Бурбон, была женой Карла V Мудрого и матерью Карла VI. После гибели его отца, Пьера I, в битве при Пуатье Людовик II унаследовал герцогство Бурбон, графство Клермон и звание великого камергера Франции. По условиям мира, заключённого в Бретиньи (1360), он стал английским заложником за короля Иоанна II и вернулся во Францию только в 1366 г. В том же году учредил в Бурбонне рыцарский орден Золотого Эю, чтобы сплотить вокруг себя местное дворянство. В последующие годы успешно воевал с бандами наёмников и англичанами в разных областях Франции. 19 августа 1371 г. женился на Анне (1358 – 1417), дофине Овернской, графине Форезской, дочери и наследнице Бери II, дофина Овернского, и Жанны, графини Форезской. После смерти Карла V Мудрого вошёл в регентский совет при малолетнем Карле VI. Пользовался высоким авторитетом среди разных придворных группировок. Юный Карл VI любил Людовика II Доброго больше других дядьёв-опекунов и оставил его в своём правительстве даже после того, как из него были выведены герцоги Бургундский и Беррийский (1388).

⁵⁵ Герцог Людовик II Бурбонский должен был привести в Кастилию французские отряды, чтобы оказать помощь королю Хуану Трастамарскому в его войне против Джона Гонта, герцога Ланкастера, и Жоана I Португальского.

⁵⁶ Робер, граф Женевский, был авиньонским антипапой под именем Климента VII с 1378 по 1394 г.

⁵⁷ Герцог Бурбонский узнал об аресте коннетабля не в Лионе, а уже находясь в Арагоне. Согласно документальным свидетельствам, 17 июня 1387 г. он находился в Авиньоне, откуда на следующий день выехал в Монпелье; 22 июня он отправился из Монпелье в Арагон, куда прибыл 26 июня (SHF. T. 13. P. LXXVIII, n. 1).

⁵⁸ Амедей VII Красный (1360 – 1391), сын Амедея VI Зелёного (ум. 1383), графа Савойского, и Бонны де Бурбон (ум. 1402), родной сестры Людовика II Доброго, герцога Бургундского; наследовал отцу как граф Савойский в 1383 г. Состоял в браке с Бонной Беррийской (1362 – 1435).

оставить это дело так? Ей-богу, нет! Ведь теперь он неизбежно понесёт ущерб в 200 тысяч флоринов, не считая ещё оскорбления, нанесённого его коннетаблю, если тот вообще остался в живых. Никогда не было слыхано о сходном случае – чтобы так задержать и сорвать поход какого-нибудь короля, который собирался нанести ущерб и урон своим врагам!» – «Итак, задержимся здесь ещё на два или три дня, – заключил адмирал. – Быть может, мы получим новые вести из Франции или Бретани, после чего сможем принять более взвешенное решение».

[4]

О том, как по воле герцога были написаны грамоты, в коих коннетабль навсегда уступал свои замки и город ему и его наследникам, и о том, как оные замки и город были сданы людям герцога

Теперь поговорим немного о герцоге Бретонском. Когда он немного отдохнул на своём ложе, то поднялся, оделся и, будучи готов, позвал в свой покой сира де Лавалья, который сразу явился. Затем между ними состоялась весьма большая и продолжительная беседа. Наконец, по воле герцога, были срочно написаны грамоты, в коих коннетабль Франции, мессир Оливье де Клиссон, раз и навсегда отказывался от вышеназванных замков и одного города, уступая их полностью и безусловно герцогу Бретонскому и его наследникам. И гласили грамоты следующее: что герцог Бретонский получает всё это в наследственное владение с полным правом завещать, кому пожелает.

Когда грамоты, всецело по воле герцога и без всяких оговорок, были написаны и скреплены печатями, коннетабль поручил сир де Бомануару съездить в его замки, чтобы убедить его служащих уйти оттуда и ввести во владение людей герцога. Кроме того, после сдачи этих трёх замков и вышеназванного доброго города коннетаблю надлежало выплатить 100 тысяч франков и сделать так, чтобы герцог был полностью доволен.

Затем ворота замка л'Эрмин были открыты, и сир де Бомануар выехал оттуда, получив напутствие от коннетабля поспешить с выполнением задания, дабы он мог освободиться как можно скорее. Вместе с ним выехали и люди герцога. Тогда-то, через них, и узнали в городе Ванне и по стране, которая уже начала весьма волноваться, что смерть коннетаблю больше не грозит, ибо за него назначен выкуп. Все люди, любившие его, были этим очень обрадованы и воздержались от выступления. Однако рыцари и оруженосцы Бретани твёрдо говорили, что если бы не эти новые вести, они непременно пришли бы осадить замок л'Эрмин и заперли там герцога. Ничего иного не сделали бы они тогда столь охотно.

Как вы понимаете, эти вести тотчас распространились повсюду, – ведь они летают вместе с ветром. Три высокопоставленных барона, находившихся в Арфлёре, получили достоверное донесение, что мессир Оливье де Клиссону больше не грозит смерть, но он пережил великую опасность и испытание, ибо наверняка был бы уже мёртв, если бы его шурин сир де Лаваль не оказал ему великую помощь, вступившись за него. Однако, в силу необходимости, ему пришлось отдать герцогу три замка и один добрый город, а также сумму в сто тысяч франков. Тогда сеньоры переговорили между собой и сказали: «Дела идут хорошо, поскольку нет речи о смерти. Коннетабль непременно вернёт себе и деньги, и

наследственные владения. Если понадобится, король щедро наделит его ими. Однако теперь ясно, что наш поход не состоится. Мы вполне можем дать отпуск нашим людям, направиться в Париж к королю и узнать там все новости, ибо мы уже прослышали, что все, кому было поручено отплыть по морю в Англию из гавани города Трегье, отозваны назад. Нисколько не похоже, что войска будут направлены куда-нибудь в эту пору, и на то есть веская причина; ведь коннетабль постарается отомстить за нанесённые ему ущерб и обиду». Затем три этих сеньора дали отпуск всем латникам и арбалетчикам, которые стояли на якоре в Арфлёре, а сами тоже выехали в путь, дабы прибыть в Париж, где тогда находился король.

Сир де Бомануар управился столь хорошо, что всего за четыре дня ввёл людей герцога во владение вышеназванными замками и городом Жюгоном, так что герцог Бретонский остался весьма доволен. Затем сир де Бомануар сделал так, что сумма в 100 тысяч франков, назначенная для выкупа коннетабля, была полностью собрана, выплачена и помещена туда, куда пожелал герцог, без всякого подвоха.

Когда всё это было исполнено, сир де Лаваль сказал герцогу: «Монсеньор, вы получили всё, что требовали, а именно: 100 тысяч франков, город Жюгон, Шатобур, Шато-Жослен и Ле-Блэн. Итак, выдайте мне моего зятя, коннетабля». – «Охотно, – сказал герцог, – пусть идёт своей дорогой. Я даю ему разрешение покинуть мою страну любым путём, каким ему заблагорассудится». Так был выпущен из темницы герцога Бретонского мессир Оливье де Клиссон, коннетабль Франции. Он и сир де Лаваль вместе выехали из замка л'Эрмин и почли себя счастливыми, когда оказались вне его стен, в чистом поле⁵⁹. Коннетабль вовсе не стал долго задерживаться в Бретани: он немедленно сел на одного доброго скакуна, а его паж – на другого, и так резво они помчались, что за два дня успели в город Париж. Коннетабль сначала остановился в своём отеле, а затем направился в Лувр к королю и его дядьям, герцогам Беррийскому и Бургундскому. При этом его люди и свита потихоньку следовали за ним сзади.

Между тем король и его дядья уже были осведомлены об освобождении коннетабля, но не знали, что он находится столь близко. Перед коннетаблем открыли двери королевского покоя, ибо король того пожелал. И вот, войдя, он бросился пред королём на колени и молвил: «Прегрозный государь! Ваш отец, коему Бог да простит его ошибки, поставил и назначил меня на должность коннетабля Франции, и я всеми силами исполнял её так, что никто и никогда не видел во мне нерадения. А если есть кто-нибудь (за исключением вас и монсеньоров ваших дядьёв), кто желал бы сказать обратное или утверждать, что я недостойно вёл себя на этой должности, или плохо выполнял свой долг, или что по отношению к вам и благородной короне Франции я хоть раз поступил ненадлежащим образом, я, конечно, желал бы бросить ему свой вызов и сразиться с ним в поединке».

Никто не ответил на эту речь – ни король и никто другой. Тогда сказал коннетабль: «Дражайший государь и благородный король! Случилось в Бретани, что в то самое время как я исполнял свою должность у вас на службе, герцог Бретонский взял меня в плен в своём замке л'Эрмин и решил предать смерти без всякой иной причины, кроме желания выместить на мне свою злобную ярость и свершить свою неразумную волю. И действительно, я был бы уже мёртв, если бы Бог и мой шурин де Лаваль не помогли мне. Поскольку я желал уйти и

⁵⁹ Оливье де Клиссон был выпущен на свободу 4 июля 1387 г.

освободиться из рук герцога, мне пришлось сдать и уступить ему один мой город в Бретани и три мощных замка, а кроме того, выплатить ему звонкой монетой 100 тысяч франков. Дражайший и благородный государь! Оскорбление и ущерб, нанесённые мне герцогом Бретонским, очень сильно задевают ваше королевское величество, ибо морской поход, в который надеялись отправиться я и мои соратники, теперь расстроен и сорван. Поэтому я отдаю вам назад должность коннетабля. Доверьте её, кому сообразовалите, ибо я не желаю её больше исполнять и не обрету никакого почёта, оставаясь на ней». – «Коннетабль, – ответил король, – мы хорошо знаем, что вам нанесли оскорбление и урон, и это влечёт великий ущерб для нас и нашего королевства. Поэтому мы срочно созовём наших пэров Франции и рассмотрим, что следует сделать. Не беспокойтесь, ибо справедливость в отношении вас будет восстановлена, во что бы то ни стало». Затем король взял коннетабля за руку, заставил его подняться и сказал: «Коннетабль, мы не желаем, чтобы вы оставили вашу должность таким образом, но хотим, чтобы вы исполняли её до тех пор, пока мы не получим иной совет». Коннетабль снова опустился на оба колена и молвил: «Дражайший государь, случившееся задело меня столь сильно и я столь тяжело обдумываю оскорбление и ущерб, нанесённые мне герцогом Бретонским, что не смогу хорошо исполнять свою должность в настоящее время. Ведь должность сия велика, и, находясь на ней, надлежит ежечасно говорить с разными людьми, которые обращаются по делу, и давать им ответы. А я сейчас совсем не в том состоянии, чтобы говорить и отвечать надлежащим образом. Поэтому сообразовалите принять у меня должность коннетабля и передать на время кому-нибудь другому. Я же всегда остаюсь в вашем распоряжении, готовый к службе». – Тогда герцог Бургундский сказал королю: «Что ж, ладно. Монсеньор, он сказал достаточно. Вам нужен совет по этому поводу». – «Это верно», – молвил король.

Затем король велел коннетаблю подняться, и тот очень учтиво приблизился к герцогу Беррийскому и герцогу Бургундскому. Он был полностью готов изложить им своё дело особым образом, со всеми точными подробностями, ибо герцогам надлежало знать это в первую очередь, поскольку они держали в своих руках управление королевством. Однако, беседа с ними и подробно описывая поведение герцога Бретонского, коннетабль довольно ясно заметил, что это дело не трогает их столь близко, как показал король в своём ответе. Под конец беседы они довольно сильно его укорили за то, что он поехал в Ванн, несмотря на ненависть, которую чувствовал со стороны герцога. Коннетабль ответил, что никоим образом не мог отказаться. «Вполне могли бы, – ответил на это герцог Бургундский, – поскольку ваш флот уже был готов к плаванию, а рыцари, оруженосцы и все другие люди ожидали вас в Трегье. Более того, когда вы побывали в Ванне и, отобедав с герцогом, вернулись в ваш отель, расположенный в бурге, вам незачем было там задерживаться и ехать смотреть замок л'Эрмин, как бы герцог вас об этом ни просил». – «Монсеньор, – ответил коннетабль, – он выказал мне такую приветливость, что у меня не хватило духу ему отказать». – «Поистине, коннетабль, – сказал герцог Бургундский, – в наружной приветливости таится обман. Я считал вас куда более проникательным, чем вы оказались в действительности. Итак, ступайте, ступайте. Ваше дело завершится благополучно. Его рассмотрят на досуге». Затем герцог Бургундский отвернулся от мессира Оливье де Клиссона и повёл беседу со своим братом герцогом Беррийским.

Когда коннетабль услышал ответ, данный герцогом Филиппом Бургундским, то хорошо понял, что эти сеньоры настроены к нему более строго и сурово, нежели король, и его

поведение вызвало у них недовольство. Поэтому он совсем тихо и неприметно удалился из Лувра и вернулся в свой отель. Его пришли повидать некоторые господа из парламента и королевского совета. Утешая его, они сказали, что всё дело завершится благополучно. Кроме того, желая поддержать его советом, к нему прибыли граф де Сен-Поль, сир де Куси и адмирал Франции. Они твёрдо ему сказали: «Сир коннетабль, ничего не опасайтесь, ибо вы получите очень большое возмещение от этого герцога Бретонского. Он нанёс короне Франции столь тяжкое оскорбление, что за это может быть обещан и изгнан из своей земли. Поезжайте развлекаться в Монлери⁶⁰, в свои владения, а действовать предоставьте нам, ибо пэры примут решение по этому поводу, и дело так не останется».

Коннетабль поверил этим сеньорам. Покинув Париж, он прибыл на жительство в Монлери и перевёл туда свой двор. Некоторое время должность коннетабля Франции оставалась свободной, и как-то раз даже зашла речь о том, что коннетаблем должен стать мессир Ги де Ла-Тремуй⁶¹. Однако этого не случилось. Будучи весьма осмотрителен, мессир Ги де Ла-Тремуй никогда не занял бы эту должность, тем более в обход мессира Оливье де Клиссона. Ему казалось, что это вовсе не сделает ему чести.

[5]

*О том, как к королю Франции пришли новости из пределов Германии,
каковые оказались весьма неприятны для него и его дядьёв*

В те же самые дни, на той же неделе, когда весть о пленении коннетабля пришла в Париж, пришла также и другая из пределов Германии. Она вызвала большое неудовольствие у короля и его советников, и я вам скажу, как и почему.

Герцог Гельдернский⁶², сын герцога Юлихского⁶³, заключил союз с королём Англии, дабы вести войну против короля Франции, и принял вознаграждение и денежный пенсион – четыре тысячи франков в год. В прошлые времена герцог Юлихский получал этот пенсион из сундуков короля Англии, но затем от него отказался. Однако его сын, который был молод и самонадеян, принял эти деньги по просьбе короля Англии и его совета, за что обязался послать вызов королю Франции и вести против него войну всеми своими силами.

⁶⁰ Монлери – город и замок Иль-де-Франсе, в 25 км к югу от Парижа (департ. Эссон).

⁶¹ Ги V де Ла-Тремуй, сын Ги IV де Ла-Тремуйа и Радегонды Гено, советник и шамбеллан короля Франции, главный наследственный шамбеллан Бургундии. В 1382 г. женился на Марии де Сюлли, единственной дочери и наследнице Луи, сеньора де Сюлли. В битве при Никополе попал в плен к туркам (1396). Умер уже после освобождения из плена, по пути домой, на острове Родос (1397).

⁶² Вильгельм Юлихский (5 марта 1364 г. – 16 февраля 1402 г.), сын Вильгельма VI (ум. 1393), герцога Юлихского, и Марии (ум. 1405), герцогини Гельдернской и графини Зютфенской; был герцогом Гельдерна и графом Зютфена под именем Вильгельма I с 1380 по 1402 г.; наследовал отцу как герцог Вильгельм VII Юлихский в 1393 г. В 1379 г. женился на Екатерине Виттельсбах (1360 – 1400), дочери Альбрехта Виттельсбаха, герцога Баварии-Штраубинга, графа Эно и Голландии. Этот брак был бездетным.

⁶³ Вильгельм VI (ум. 1393), сын Вильгельма V (ум. 1361), герцога Юлихского, и Жанны д'Эно (ум. 1374); наследовал отцу как герцог Юлихский в 1361 г.; 25 декабря 1362 г. женился на Марии Гельдернской (ум. 1405), дочери Рейнольда II, герцога Гельдерна и графа Зютфена, и Софии Берхтаут (Berthout), госпожи Мехельна.

Этот герцог склонялся на сторону англичан в особенности потому, что он находился в состоянии войны с госпожою Брабантской⁶⁴ и герцогством Брабант. По всем признакам он чувствовал, что она страна благорасположена к королю Франции, так как в будущем она должна отойти к герцогу Бургундскому и его детям. Поэтому герцог Гельдернский решил показать, что это его весьма задевает, и что он готов нанести вред и ущерб королю Франции, его совету, а также всем его сторонникам и союзникам. И вот как раз в те дни, когда ещё свежи были известия о коннетабле, послал он вызов королю Франции в одной грамоте, скреплённой его печатью. Весьма грубый и резкий, этот вызов был принят королём и его дядьями без всякого удовольствия. Далее в этой истории, в надлежащем месте, я ещё расскажу вам об этом, а кроме того, объясню причины войны между Брабантом и Гельдерном.

Тем не менее, внешне король Франции не проявил никакого недовольства и оказал добрый приём тому оруженосцу из Гельдерна, который доставил вызов. А ведь в какой-то момент оруженосец был твёрдо уверен, что потеряет свою жизнь. Сначала он прибыл в город Турне⁶⁵ и, не желая ехать дальше, предъявил вызов местному прево и городским главам. После этого оруженосец собирался уехать назад, поскольку он говорил, что вполне достаточно того, что он выполнил свою задачу в таком значительном городе, как Турне. Однако это не показалось достаточным названным господам, хотя город Турне и подчинялся королю Франции. Они взяли оруженосца под стражу и посадили в надёжный тюремный затвор, а затем послали вестника к герцогу Бургундскому, дабы сообщить, что за дела у них происходят, и узнать, каковы будут его распоряжения.

Герцог в ответ написал прево Турне, чтобы он доставил к нему человека, привёзшего вызов. Приказ был исполнен, и когда оруженосца доставили в Париж, он твёрдо думал, что его ждёт смерть. Однако вышло иначе, ибо король, его дядя и другие сеньоры приняли оруженосца со всей обходительностью. Король Франции велел держать его в полном довольстве и пожаловал ему серебряный кубок, весивший четыре марки и наполненный пятьюдесятью франками.

Когда оруженосец из Гельдерна, как уже сказано, выполнил своё поручение, герцог Бургундский и другие сеньоры велели выдать ему надёжный пропуск, дабы он мог вернуться в свою страну. Теперь из-за беды, случившейся с коннетаблем, а также из-за вызова, доставленного из Гельдерна, весь французский двор был охвачен тревогой. И эта тревога лишь возросла, когда коннетабль прибыл в Париж, чтобы подать жалобу на герцога Бретонского, ибо король и его совет видели, что со всех сторон им предстоят великие расходы и весьма трудные, невыгодные дела. Поэтому требовалось большое здравомыслие, чтобы их избежать и ловко от них уклониться. Тем не менее, знайте, что королевский совет, несмотря на вызов герцога Гельдернского, вовсе не желал допустить, чтобы мессир Оливье

⁶⁴ Жанна Брабантская (24 июня 1322 г. – 1 ноября 1406 г.), дочь Жана III (ум. 1355), герцога Брабанта и Лимбурга, и Марии д'Эврё (ум. 1335). В 1334 г. вышла замуж за Гильома д'Эно (1307 – 1345), графа Эно, Зеландии и Голландии. Овдовев, вышла замуж в 1352 г. за Венцеслава I (1337 – 1383), герцога Люксембургского. В 1355 г., после смерти своего отца, Жана III, унаследовала герцогства Брабант и Лимбург. Поскольку оба её брака были бездетными, Жанна назначила наследником своего внучатого племянника Антуана Бургундского (1384 – 1415), второго сына Филиппа Храброго, герцога Бургундского. В 1406 г., после смерти Жанны Брабантской, Антуан действительно унаследовал герцогства Брабант и Лимбург.

⁶⁵ Турне (фр. Tournai, нидерл. Doornik) – город в северной части Французского королевства (ныне Бельгия, провинция Эно).

де Клиссон, столь хорошо и долго служивший королю во Фландрии и других землях, не получил справедливого возмещения за жестокие обиды, которые герцог Бретонский нанёс ему, взяв с него выкуп и присвоив его город и замки без малейшего разумного повода. И особенно сильно об этом радели сир де Куси и адмирал Франции.

Теперь вернёмся к герцогу Ланкастеру и королю Португалии, которые, находясь в Кастилии, вели войну, упорную и успешную, и расскажем, как они при этом действовали.
<...>

[6]

О том, как при французском дворе было решено отправить послов к герцогу Бретонскому, а также о сведениях, которые мэтр Жан Фруассар получил от сира Гильома д'Ансени, путешествуя по землям Анжу и Турени

Как я уже сообщал здесь выше, из-за вызова, присланного герцогом Гельдернским, королевство Французское пребывало в великой тревоге, и особенно беспокоились королевские дядья и великие сеньоры, которые должны были королю советовать. Ибо это вызов был составлен грубо, невежливо и не соответствовал общему стилю других вызовов. Вы согласитесь, что я говорю вам правду, когда я открою вам подробности. Тревогу вызывал также и герцог Бретонский, который расстроил столь великое предприятие – морской поход в Англию, вероломно пленив того, кто должен был стать его предводителем, коннетабля Франции. Герцог взял с него выкуп в 100 тысяч франков и отнял у него три мощных замка и один добрый город, что стало великим оскорблением для короля, ибо всё это было сделано без всякого разумного повода и доброго основания. Однако король Франции перенёс все эти события довольно спокойно; ведь он был очень молод и не тревожился столь сильно, как если бы ему было 40 или 50 лет. Поэтому, вспоминая прошлые времена, некоторые люди говорили: «Раньше из-за такого деяния или сходного с ним королевство Французское испытало бы большие потрясения. Когда король Наварры⁶⁶ велел убить мессира Карла Испанского⁶⁷, который в то время был коннетаблем Франции, король Иоанн⁶⁸ навсегда его возненавидел и постарался отнять у него, как только мог, все его земли в Нормандии». – «Думаете ли вы, – говорили другие, – что если бы король Карл⁶⁹, отец короля нынешнего, был ещё жив, то он, так любивший своего коннетабля, ему не помог бы? Ей-богу, он это

⁶⁶ Карл II Наваррский («Злой») (10 октября 1332 г. – 1 января 1387 г.), граф Эврё в 1343 – 1378 гг., король Наварры в 1349 – 1378 гг.; сын Филиппа III д'Эврё, короля Наварры, и Жанны Французской, дочери короля Людовика X Сварливого и Маргариты Бургундской; с 1352 г. был женат на Жанне де Валуа (1343 – 1373), дочери короля Иоанна II Доброго.

⁶⁷ Карл Испанский (? – 1354) сын Альфонса де Ла-Серда и Изабеллы д'Антуэн; в 1351 г. женился на Маргарите де Блуа-Шатийон, дочери Карла де Блуа-Шатийона, герцога Бретонского. В декабре 1350 г. король Иоанн II Французский пожаловал ему графство Ангулем, а в январе 1351 г. произвел его в коннетабли Франции. От своего отца Карл Испанский унаследовал баронию Люнель. Был убит по приказу короля Карла II Наваррского в январе 1354 г.

⁶⁸ Иоанн II Добрый (26 апреля 1319 г. – 8 апреля 1364 г.), сын короля Филиппа VI де Валуа и Жанны Бургундской; при жизни отца носил титул герцога Нормандского; наследовал французский престол в 1350 г. Был женат: 1) с 26 июля 1332 г. на Бонне Люксембургской (1315 г. – сентябрь 1349 г.), дочери Иоанна Слепого, короля Богемии; 2) с 9 февраля 1350 г. на Жанне (1326 – 1360), дочери и наследнице Гильома XII, графа Оверни и Булони, вдове Филиппа Бургундского (ум. 1346), матери Филиппа Руврского (ум. 1361), последнего герцога Бургундского из династии Капетингов.

⁶⁹ Т.е. Карл V Мудрый.

сделал бы! Он повёл бы войну против герцога Бретонского и отнял бы у него всю его землю, во что бы то ни стало».

Так, на разные лады, рассуждали об этом в королевстве Французском, ибо все люди считали, что герцог Бретонский совершил слишком большое преступление⁷⁰.

Тогда, посоветовавшись, дядя короля Франции и его советники решили, что нужно провести с герцогом переговоры, дабы вернуть дела в правильное положение, навсегда всё уладить и успокоить народ, который был слишком сильно недоволен герцогом Бретонским. Для этого следует послать к герцогу Бретонскому одного прелата и трёх баронов – мудрых и достойных мужей. Они переговорят с ним, выслушают его доводы и убедят его приехать в Париж или другое место – туда, где король пожелает принять его извинения за содеянное. И вот были назначены посланники. Прежде всего, епископ Бове, мессир Миль де Дорман⁷¹, рыцарь мудрый и отважный, достойный и очень красноречивый. Вместе с ним в посольство вошли мессир Жан де Вьенн, мессир Жан де Бюэй⁷² и сир де Ла-Ривьер⁷³. Они получили указания о том, что им надлежало сказать и сделать. Кроме того, чтобы иметь лучшее представление о предмете переговоров и всех бретонских событиях, епископ Бове прибыл к мессире Оливье де Клиссону в Монлери (коннетабль владел этим городом и замком вместе с прилежащими землями, ибо король Карл пожаловал их ему в наследственное владение). Однако, когда епископ пребывал в Монлери, его охватила какая-то болезнь, из-за которой он слёг в постель и, проведя 15 дней в горячке и немощи, отдал Богу душу. Этого достойного мужа весьма оплакивали. Тогда, вместо епископа Бове, в Бретань был послан епископ Лангра⁷⁴. Он отправился в путь вместе с вышеназванными сеньорами.

Некоторые желающие могли бы спросить меня, откуда ко мне поступают сведения о таких событиях, чтобы я мог вести рассказ столь обстоятельно и столь живо? Я ответил бы вам, а вернее тем, кто об этом спросил бы, что в своё время я приложил великое усердие и старание, дабы разузнать правду об этих событиях, и объехал многие королевства и земли, дабы провести точные расспросы обо всех делах, которые описаны выше в этой истории и о

⁷⁰ Вариант: «ибо все люди, которые об этом беседовали, говорили, что герцог Бретонский плохо сделал и очень худо поступил».

⁷¹ Миль или Милон де Дорман (ок. 1343 г. – 17 августа 1387 г.), сын Гильома де Дормана, канцлера Франции в 1372 – 1373 гг., и Жанны Мом; племянник кардинала Жана де Дормана и брат архиепископа Санского Гильома де Дормана. В 1371 г., уже имея звание профессора гражданского и канонического права в Орлеанском университете, был стал епископом Анжерским, затем, в 1374 г., епископом Байё и, наконец, в 1375 г., епископом Бове. Был канцлером герцога Людовика I Анжуйского; с 20 октября 1376 г. по 2 октября 1380 г. был первым председателем-клириком Парижской счётной палаты; 1 октября 1380 г. король Карл V Мудрый назначил его канцлером Франции.

⁷² Жан III, сир де Бюэй (ум. не позднее 1390 г.), сын Жана II, сира де Бюэя, составившего завешание в 1366 г. Жан III де Бюэй был шамбелланом короля Карла V Французского в 1372 г. В одной грамоте, изданной 31 июля 1377 г. в Вильнёв-ан-Ажене, он уже именуется шамбелланом герцога Людовика Анжуйского. В 1368 г. он оборонял от англичан земли Мэна и заставил их прекратить осаду Шато-Гонтье. Исполнял должность сенешала Бокера и Нима в 1373 г., Тулузы в 1375 г. и снова Бокера в 1376 и 1377 г. Состоял в браке с Анной д'Авуар (KL, t. 20, p. 479; SHF, t. 9, p. XIX, n. 2).

⁷³ Бюро III де Ла-Ривьер (? – 16 августа 1400 г.), сын Жана II де Ла-Ривьера и Изабеллы д'Ангран. Состоял в браке с Маргаритой д'Оно, дочерью Ги д'Оно и Маргариты де Поншевро. Был главным камергером Карла V Мудрого и удостоился от него многих милостей. При Карле VI стал одним из самых влиятельных придворных министров, но в 1392 г. королевские дядя взяли власть в свои руки и бросили Бюро III де Ла-Ривьера в темницу. Выйдя из заточения, он уже не имел прежних полномочий. Его похоронили в аббатстве Сен-Дени у подножия гробницы Карла V, в соответствии с завещанием последнего.

⁷⁴ Бернар де Ла-Тур д'Овернь (ум. 1395), сын Бертрана де Ла-Тур д'Овернь и Елизаветы де Леви-Мирпуа; был епископом Лангрским с 1374 г. по 16 января 1395 г.

которых будет ещё рассказано далее. Ведь Бог даровал мне удачу и досуг, чтобы я в своё время мог повидать наибольшую часть этих земель и свести знакомство с высокими принцами и сеньорами, как во Франции и Англии, так и в других местах. Ибо знайте, что на сегодняшний день, в год милости 1390, я тружусь над этим уже 37 лет, а мой возраст равен 57 годам. В течение этих 37 лет, когда у человека ещё много сил и возможностей, я был в хороших отношениях со всеми сторонами, ибо в пору моей молодости я провёл 5 лет при дворе короля и королевы Английских⁷⁵, а также был весьма хорошо привечаем при дворе короля Иоанна Французского и короля Карла⁷⁶, его сына. За сей срок я смог узнать и понять много вещей. И поистине, наибольшим удовольствием и развлечением для меня всегда было вести расспросы, запоминать, а затем тотчас записывать услышанное. И сейчас я вам расскажу, как и от кого я узнал о пленении коннетабля Франции, а также обо всём, что за этим последовало.

В ту пору, когда случились эти события, или годом позже я ехал из города Анжера⁷⁷ в Тур-ан-Турень⁷⁸ и заночевал в Бофор-ан-Валле⁷⁹. На следующий день, возле Мулиерна⁸⁰, я случайно повстречал одного рыцаря из Бретани, которого звали мессир Гильом д'Ансени⁸¹. Он направлялся к своей кузине, госпоже де Майи-ан-Турень⁸², и её детям, ибо она недавно овдовела. Познакомившись с рыцарем, я нашёл его учтивым и любезным в речах. Я спросил у него новости, в частности, о пленении коннетабля Франции, поскольку стремился узнать об этом истину, и он мне всё рассказал, так как, по его словам, он участвовал в совещании, проходившем в Ванне, вместе со своим кузеном сеньором д'Ансени⁸³, великим бароном Бретани. И подобно тому, как мессир Эспан де Лион⁸⁴ сообщил и поведал мне о делах, случившихся в графстве Фуа, Беарне и Гаскони, а мессир Жан Ферран Персек⁸⁵ – о

⁷⁵ Т.е. при дворе короля Эдуарда III Английского и его супруги Филиппы д'Эно.

⁷⁶ Т.е. при дворе Иоанна II Доброго и Карла V Мудрого.

⁷⁷ Анжер (Angers) – главный центр герцогства Анжу (департ. Мен и Луара).

⁷⁸ Тур (Tours) – главный центр графства Турень (департ. Эндр и Луара).

⁷⁹ Бофор-ан-Валле – город и замок в Анжу, в 25 км к востоку от Анжера (департ. Мен и Луара).

⁸⁰ Мулиерн (Mouliherne) – городок в Анжу, расположенный в 18 км к востоку от Бофор-ан-Валле и в 22 км к северу от Сомюра (департ. Мен и Луара, округ Сомюра).

⁸¹ Гильом д'Ансени в действительности был сыном Тибо де Рошфора и Марии де Монморанси. Фамилию д'Ансени он стал носить вследствие своего брака с Жанной д'Ансени, дочерью и наследницей Жоффруа д'Ансени и Бланки д'Авогур. От их брака родилась лишь одна дочь, которая в 1374 г. вышла замуж за Жана де Рьё, будущего маршала Франции.

⁸² Речь идёт о Маго Ле-Вайе (Mahaut Le Vayer), супруге Ардуэна VII де Майе (1340 – 1387). После его смерти она вышла замуж за Жана де Лавалья. Замок Майе (Maillé, у Фруассара - Mailly) находился в графстве Турень, в 36 км к югу от Тура (департ. Эндр и Луара, округ Шинона).

⁸³ Неясно, о каком сеньоре д'Ансени идёт речь в данном случае.

⁸⁴ Фруассар говорит о событиях ноября 1388 г. Эспан дю Лион стал его случайным попутчиком во время путешествия ко двору Гастона III Феба, графа Фуа и виконта Беарна. Отбыв из Памье, Фруассар и Эспан дю Лион проехали на запад до места своего назначения, беарнского города Ортеза, более 210 километров. Эспан дю Лион был близким советником и придворным Гастона III Феба; фигурирует как свидетель во многих документальных актах, изданных начиная с 1366 года. В разное время был управляющим Памье, Савердена, Мон-де-Марсана, Ортеза и графства Фуа. Участвовал в различных дипломатических миссиях и переговорах; скончался в конце XIV столетия (последнее документальное упоминание о нём датируется 8 октября 1393 года). Сеньория Лион находилась в 18 км к юго-западу от Ортеза (департ. Атлантические Пиренеи, округ Ортеза, кантон Совтерр, коммуна Ораас) (SHF. T. 12. P. X, n. 13).

⁸⁵ Речь идёт о Жоане Фернандеше Пачеко II (Joan Fernandes Pacheco, у Фруассара – *Jehan Ferrant Percek*) (ок. 1350 – ок. 1430), представителе знатного португальского рода, который был женат на доне Инессе Телеш, племяннице королевы Португалии. Фруассар повстречался с ним в зеландском порту Мидделбурге весной 1390 г. Рыцарь собирался отправиться на войну с язычниками Пруссии, но задержался в Мидделбурге из-за отсутствия попутного ветра. Пользуясь этим, хронист в течение шести дней расспрашивал его о событиях недавнего кастильско-португальского военного конфликта.

событиях, происходивших в Португалии и Кастилии, точно так же описал мне многие события любезный бретонский рыцарь. И он рассказал бы мне ещё больше, если бы я подольше оставался в его обществе.

Между Мулиерном и Приيي⁸⁶ пролегает четыре больших лье, и мы ехали неспешно, не утомляя себя и наших лошадей. Там, в пути, рыцарь рассказал мне множество сведений, которые я хорошо и надёжно отложил в памяти, и особенно о событиях в Бретани. Когда мы находились уже поблизости от Прийи, в одном лье от него, мы выехали луг. Тут рыцарь спешился и сказал: «Бог да хранит душу доброго коннетабля Франции⁸⁷! Однажды он одержал здесь победу, славную и полезную для этой страны. При этом он сражался под знаменем доброго рыцаря мессира Жана де Бюэя⁸⁸, ибо в тот день он ещё не был коннетаблем Франции, а незадолго до этого вернулся и прибыл из Испании». Тогда я спросил рыцаря: «И как же это случилось?» – «Я вам скажу, – ответил он, – вот только сяду на коня». Рыцарь сел верхом, и мы тоже, а затем он поехал медленным шагом, и мы последовали за ним. Тогда повёл он свой рассказ на красивом французском языке.

«В то время, о котором я вам говорю, – начал рыцарь, – весь этот край так заполонили англичане, гасконцы, бретонцы, немцы, а также прочие грабители и искатели приключений из разных народов, что вся страна по обоим берегам Луары была ими захвачена, ибо между Францией и Англией возобновилась война. Стекаясь в эту землю со всех сторон, самые

---

⁸⁶ В оригинале – *Prilly*. Речь идёт о местечке Рийе (Rillé), расположенном в 33 км к западу от города Тура и в 17 км к востоку от Мулиерна (департ. Эндр и Луара, округ Тура).

⁸⁷ Бертран дю Геклен (ок. 1320 г. – 13 июля 1380 г.), старший из десяти сыновей бретонского дворянина Робера II дю Геклена (см. выше). Его небольшое родовое поместье Ла-Мотт-Броон находилось в округе Доля. С началом войны за бретонское наследство (1341 – 1364) Бертран дю Геклен сражался на стороне Карла де Блуа против Монфорского дома и англичан. Отличился во многих боевых операциях. В 1354 г. маршал Франции Арнуль д'Одрегем посвятил его в рыцари в замке Монмюран (округ Доля, департ. Иль и Вилен) и назначил капитаном Понторсона и аббатства Мон-Сен-Мишель. В 1356-57 гг. Бертран дю Геклен успешно оборонял Ренн, осаждённый войском Генриха Гросмонта, герцога Ланкастера. В 1360 г. стал королевским наместником в Нормандии, Анжу и Мэне, в 1364 г. – верховным капитаном в землях, лежащих между Сенной и Луарой, и королевским шамбелланом. В апреле 1364 г. очистил от англо-наваррских гарнизонов крепости Рольбуаз, Мант, Мелян, Вернон, Ветей и Рони; 16 мая 1364 г. разбил войско капталя де Бюша в битве при Кошереле, за что получил от Карла V графство Лонгвиль. 29 сентября 1364 г. сражался в битве при Орэ на стороне Карла де Блуа и попал в плен. В 1365 г. выкупился из плена за 100000 эю; затем, по распоряжению Карла V, увёл в Кастилию отряды наёмников («большие компании»), чтобы поддержать Энрике II Трастамарского в его борьбе против свергнутого короля Педро I Жестокого. В 1367 г. в битве при Нахере потерпел поражение от Эдуарда, Чёрного Принца, и попал в плен. Карл V Мудрый срочно внёс за него выкуп. Когда Чёрный Принц вернулся из Кастилии в Гиень, Бертран дю Геклен и Энрике II Трастамарский продолжили войну против Педро I Жестокого. Проиграв сражение, Педро укрылся в замке Монтель (1369). Подкупленный им, Бертран дю Геклен обещал ему безопасный выход, но затем выговорил у Энрике II ещё большую сумму денег и привёл Педро Жестокого прямо к нему в шатёр. В разыгравшейся схватке Педро был убит. После этого дю Геклен получил от Энрике II титулы герцога де Сория и графа де Молина; между Кастилией и Францией был заключён военный союз. В 1369 г., в связи с возобновлением войны между Англией и Францией, Карл V отозвал дю Геклена из Кастилии. Получив от короля звание коннетабля (2 октября 1370 г.), Бертран дю Геклен вскоре разгромил англичан в битве при Понваллене (4 декабря 1370 г.) и вытеснил их из Анжу, Пуату и Сентонжа. В последующие годы вёл успешные наступательные операции против англичан и наваррцев в Гиени, Бретани и Нормандии. Однако в 1378 г. он не одобрил решения Карла V о конфискации Бретани у герцога Жана IV де Монфора и потому был послан на аквитанский театр военных действий. Там, при осаде замка Шатонёф-де-Рандон, его застала смерть от болезни. За свои заслуги перед французским престолом он был погребён в королевской усыпальнице аббатства Сен-Дени, в ногах у Карла V Мудрого. Бертран дю Геклен был женат: 1) с 1363 г. на Тифэн Рагнель (ум. 1373), дочери Робена III Рагнеля, сеньора де Шатель-Оже, участника «Битвы Тридцати», и Жанны де Динан, виконтессы де Ла-Белльер; 2) с 1374 г. на Жанне де Лаваль (ум. после 1385), дочери Жана де Лавалья и Изабеллы де Тентеньяк.

⁸⁸ Жан де Бюэй (см. примеч. №72).

разные грабители обосновались и укрепились в ней, словно завоеватели. Так, они захватили замок Бофор-ан-Валле, который вы видели, и вся округа жила под их властью и откупалась от них. Подступая ближе к моей теме, скажу, что англичане и гасконцы овладели Приيي и очень сильно его укрепили. Никто не пытался их оттуда выбить и изгнать прочь. Кроме того, они удерживали вдоль этого пути, на реке Луаре, некоторые малые крепости, и когда они желали отправиться в разъезд по округе, у них насчитывалось от восьмисот до тысячи бойцов.

Наконец, коннетабль, мессир Бертран, мессир Жан де Бюэй, сир де Майи⁸⁹ и некоторые местные рыцари задумали испытать удачу, чтобы избавить страну от грабителей. Затем они собрались вместе, примерно 500 копий, и разведали, что англичане намерены совершить рейд в сторону Сомюра⁹⁰: все их капитаны из окрестных крепостей уже съехались вместе и устроили сбор в Приيي, который расположен здесь перед нами. Тогда наши люди поехали, переправились через эту реку и расположились в засаде в одном лесу, который растёт здесь ниже, по правую руку от нас. Поутру, примерно на восходе солнца, враги выступили из Приيي, и было их добрых 900 бойцов. Когда наши люди, находившиеся в засаде, увидели, что они приближаются, то хорошо поняли: настал час битвы. Тогда устроили они совещание, чтобы решить, какой клич будут кричать. Сначала хотели взять клич мессира Бертрана, но он не согласился на это, а кроме того, он сказал, что не выставит в этот день ни знамени, ни флага, но желает сражаться под знаменем мессира Жана де Бюэя. Наши враги прибыли на тот луг, где я недавно стоял. Не успели они там появиться, как мы уже выехали из нашей лесной засады и оказались на лугу или поблизости от него. Когда они нас увидели, то все дружно спешили и построились в добрый боевой порядок, а мы сделали также напротив них. Затем наши отряды сошлись на бой. Там наносились мощные удары и толчки копьями, и многие были опрокинуты наземь с обеих сторон. И длилась эта битва долгое время, и строй не колебался ни там, ни там.

По правде сказать, мы все были отборными латниками, а среди врагов было большое количество плохо вооружённых грабителей. Тем не менее, они нам задали много работы. Однако мессир Морис де Трезегиди⁹¹, мессир Жоффруа Ришон⁹², мессир Жоффруа де Керимель⁹³ и Морфуас⁹⁴ следовали за мессиром Бертраном, прищпоривая коней, и поддержали нас, приведя 60 копий добрых латников. Они напали на врагов, все конные, и

⁸⁹ Ардуэн VII де Майе (Maillé, у Фруассара – Maily), сын Ардуэна VI де Майе (ум. 1340) и Жанны де Монбазон, наследовал отцу в 1340 г. В войске под Бурбургом в 1383 г. имел под своим началом трёх рыцарей и 20 оруженосцев. Скончался не позднее 1393 г. Был женат на Маго Ле-Вайе (KL, t. 22, p. 134).

⁹⁰ Сомюр – город в Анжу, расположенный на берегу Луары при впадении в неё реки Туз (департ. Мен и Луара).

⁹¹ Морис де Трезегиди, бретонский рыцарь, состоял в браке с Жанной де Поэскеллек. Участник знаменитой «Битвы Тридцати», состоявшейся под Плоэрмелем 26 марта 1351 г. В январе 1378 г. был капитаном Энбона (в Бретани), а в феврале 1380 г. – капитаном Парижа. На похоронах Бертрана дю Геклена нёс его знамя (1380).

⁹² Жоффруа де Ришон или де Рикон (Richon, Ricon), бретонский рыцарь, вместе с Бертраном дю Гекленом воевал в Кастилии против короля Педро Жестокого и участвовал в битве при Монтьеле (1369); сражался с англичанами в Сентонже и участвовал в битве при Шизе (1373); погиб в битве при Альжубаротте (1385).

⁹³ Жоффруа де Керимель или Каримель (Kerimel, Karimel, у Фруассара – *Caresmiel*) был родом из прихода Лованек, расположенного в диоцезе Трегье (Бретань). В 1364 г. участвовал в битве при Кошереле. В 1371 г. имел под своим началом 40 оруженосцев, находясь в войске Оливье де Клиссона под Монконтуром. Принёс оммаж королю Франции в 1374 г.; прошёл военный смотр в Авранше 29 апреля 1379 г. с 25 оруженосцами. В 1381 г. был маршалом Бретани (KL, t. 22, p. 17, 18).

⁹⁴ Гильом Пикар, именуемый Морфуас (Morfouace), упоминается во многих документальных источниках рассматриваемого периода. В 1378 г. он был капитаном бретонского города Сен-Мало и руководил его обороной от англичан (KL, t. 22, p. 243).

так их рассеяли, что те уже не могли собраться вместе и держать строй. Капитаны этих вышеназванных грабителей и военных рутьеров, в частности мессир Роберт Сени⁹⁵, мессир Ричард Хелмен⁹⁶, Жакмен ле Клерк⁹⁷ и Ричард Жилль⁹⁸, увидели, что мы получили помощь и подкрепление от мессира Мориса де Трезегиди, мессира Жоффруа де Ришона, мессира Жоффруа де Керимеля и Морфуаса, которые, как уже сказано, стремительно последовали за коннетаблем и его отрядом с шестьюдесятью копьями, все на сильных конях, и, вовсе не спешиваясь, врезались в ряды противника и расстроили их. Ибо, едва узнав о военном замысле коннетабля, они спешно выступили следом, дабы принять участие в бою, что и сделали. Сильным конным натиском они нанесли такой урон грабителям, что те уже никоим образом не могли сплочённо держаться - их тотчас рассеивали. Тем не менее, они все были людьми воинской выучки и хорошо это показали, ибо совершили в тот день столько ратных подвигов и так себя вели, что не заслужили никакого порицания. Но, когда они увидели действия французов, и особенно четырёх вышеназванных, которые, налетая со всех сторон, повергали их соратников наземь мёртвыми и изрубленными, то поняли: у них нет никаких надежд на победу и все они будут убиты или попадут в плен, если станут и дальше испытывать судьбу, ибо держать строй они больше не могут. Поэтому они сели на своих коней – правда, лишь некоторые, а не все, ибо на лугу осталось более 700 убитых и изрубленных, а пленных – более трёх сотен. После того, как они были разбиты и побеждены, погоня длилась до самого Сен-Мор-сюр-Луар⁹⁹, где они тоже потеряли более двухсот человек, которые были большей частью убиты. Там названные мессир Роберт Сени, мессир Ричард Хелмен, Ричард Жилль и Жакмен ле Клерк укрылись в замке, довольно хорошо, хотя и не слишком. При этом они очень спешили – столь близко их преследовали. Итак, на сей раз эти четверо капитанов-грабителей спаслись. Однако, выяснив, что замок слабо укреплен и плохо снабжен продовольствием и артиллерией, они стали опасаться, как бы их там не осадили коннетабль и другие сеньоры Франции, которые люто их ненавидели. Поэтому, когда настал следующий день, перед восходом солнца, капитаны и их соратники сели на лошадей; те, что смогли, переправились через эту сильную реку Луару и так спаслись. Но многие, сидевшие на плохих лошадях, утонули, ибо в тот час из-за потоков, сошедших с гор, течение Луары было на редкость стремительным.

Когда эти четверо капитанов оказались за Луарой, то очень обрадовались. Впоследствии они много раз говорили, что за малое время избежали двух великих опасностей. Ведь, попади они в руки мессира Бертрана дю Глеакена, их жизням настал бы конец, чего они весьма боялись. Когда они увидели, что все опасности остались позади, то укрылись в другой крепости, которую их люди удерживали за Луарой, однако долго там не засиделись. Опасаясь, что коннетабль за ними последует и подвергнет их осаде, они отступили ещё дальше, в Овернь и Лимузен, где у них было много мощных замков. И всё

⁹⁵ Роберт Чени (Cheneu, у Фруассара – *Ceni*), английский рыцарь, владевший в графстве Кент поместьями Миддлтон, Уфтон (Ufton) и Патриксборн, а также поместьем Шерлонд (Schirlond) на острове Шепи (KL, t. 20, p. 562).

⁹⁶ В оригинале – *Richart Helmen*; не поддаётся определению.

⁹⁷ Вероятно, речь идёт об английском военном предводителе Джоне Клерке, имя которого часто упоминается в официальных грамотах рассматриваемого периода (KL, t. 21, p. 4).

⁹⁸ В оригинале – *Richart Gille*; не поддаётся определению.

⁹⁹ Сен-Мор-сюр-Луар (Saint-Maur-sur-Loire) – городок и аббатство, расположенные на правом берегу Луары в 21 км к северо-западу от Сомюра и в 7 км к юго-западу от Бофор-ан-Валле (департ. Мен и Луара, округ Сомюра, кантон Ле Турей).

равно, где бы ни находились, они всегда чувствовали, что мессир Бертран де Глеакен наступает им на пятки.

Благодаря этой победе, милый мэтр, – сказал бретонский рыцарь, – была избавлена от грабителей вся эта область. Никогда впоследствии гасконские и английские грабители здесь уже не сновали и не пытались закрепиться и обосноваться в каком-нибудь замке или крепости. Поэтому я говорю, что коннетабль мессир Бертран был отважным мужем и в своё время много сделал для блага и чести королевства Французского, ибо он одержал здесь и во множестве других мест прекрасные победы, освобождая земли от врагов». – «Поистине, сир, вы говорите верно. Это был очень отважный рыцарь, и таков же мессир Оливье де Клэкен¹⁰⁰, его брат».

Когда рыцарь услышал, что я произнёс имя «Клэкен», то стал слегка посмеиваться. Не зная, что думать, я спросил его: «Сир, почему вы смеётесь? Сказал ли я что-нибудь неправильно, когда назвал мессира Оливье де Клэкеном?» – «Я этого не говорю, – ответил рыцарь, – однако по недоразумению вы можете слегка ошибаться в именах собственных; и я скажу, как. Дело в том, милый мэтр, – сказал бретонский рыцарь, – что вы произнесли фамильное имя «Клэкен», а между тем оно не является верным ни для мессира Бертрана, ни для его предшественников, и никогда таковым не было. Потому-то и разобрал меня смех. Тем не менее, все, кто говорит о коннетабле, называют его именно так, и мы, уроженцы Бретани, тоже. Мессир Бертран при своей жизни охотно бы это исправил и переименовал, но он был бессилён, ибо это имя таково, что лучше других пристаёт к языку и устам тех, кто его произносит¹⁰¹».

Тогда я попросил рыцаря: «Итак, будьте любезны, сир, скажите мне, существует ли большая разница между одним именем и другим». – «Видит Бог, нет, – ответил рыцарь, – между ними нет иной разницы, кроме того, что следует говорить «мессир Бертран дю Глэ-Акен» вместо «Клэкен». И я вам скажу, как это прозвание пришло к нему из древности, согласно тому, что сообщается в старинных хрониках Бретани, а также тому, что я много раз слышал от старых бретонских рыцарей. Поистине, это вполне достоверные сведения. И, чтобы было понятнее, у меня был прадед по имени Жоффруа д'Ансени. Он прожил более 114 лет и был собратом по оружию одного дяди мессира Бертрана по имени мессир Ив. Будучи уже очень старым, он, когда шла речь о роде дю Клэкенов, который некогда пользовался в Бретани большим влиянием, говорил не «де Клэкен», а «дю Глэ-Акен».

Эта речь, сказанная рыцарем, очень меня обрадовала, и я молвил ему: «Сир, своим рассказом вы доставите мне великое удовольствие, и если я его услышу, то уже никогда не забуду. Ведь мессир Бертран был столь отважным человеком, что сведения о нём следует умножать, как только можно». – «Это верно, – согласился рыцарь, – итак, внимайте».

Тут мессир Гильом д'Ансени начал свой рассказ:

¹⁰⁰ Оливье дю Геклен (ум. к 1403 г.), второй сын Робера II дю Геклена (ок. 1300 – 1353), сеньора де Ла-Мотт-Броон, и Жанны де Мальмэн (ум. 1350), госпожи де Сан; младший брат и соратник Бертрана дю Геклена, коннетабля Франции. Состоял в браке с Перонеллой д'Амбуаз, дочерью Жана д'Амбуаза, виконта Туарского, и Марии Фландрской. После смерти Бертрана дю Геклена унаследовал от него титул графа Лонгвильского (в Нормандии) и сеньорию Ла-Герш (в Бретани), которую продал в 1390 г. герцогу Жану IV Бретонскому за 37000 золотых франков.

¹⁰¹ Вариант: «не мог никогда, ибо имя «де Клэкен» стало уже слишком привычно».

«Это случилось в пору правления короля Шарлеманя¹⁰², который, будучи великим завоевателем, очень сильно раздвинул пределы христианского мира и благородного королевства Французского. Он был императором Рима, королём Франции и Германии и покоится ныне в Аахенской капелле¹⁰³. Как можно прочесть в старинных хрониках и жестах¹⁰⁴ (а вы знаете, что все сведения этого мира черпаются из писаний, – ни на чём ином мы не можем надёжно основываться, кроме как на достоверных писаниях) этот король Карл много раз побывал в Испании и однажды задержался там дольше обычного¹⁰⁵. В тот раз он провёл там девять лет безотлучно, не возвращаясь во Францию, и постоянно расширял свои завоевания, тесня врагов истинной веры.

В ту пору у сарацин был весьма могущественный король по имени Акен, который правил Бужией и Барбарией¹⁰⁶, что расположены напротив Испании и сопредельных земель. Ведь Испания, начиная от Сен-Жан-Пье-де-Пор¹⁰⁷, на удивление обширна и включает в себя всё королевство Арагон, Наварру, Бискайю, Португалию, Коимбру¹⁰⁸, Лиссабон, Севилью¹⁰⁹, Толедо¹¹⁰, Кордову¹¹¹ и Леон¹¹². Великий король Шарлемань некогда завоевал все оные земли и королевства¹¹³. И вот, в пору его долгого пребывания в Испании, король Акен, который был правителем Бужии и Барбарии, собрал своих людей в огромном числе и прибыл по морю в Бретань. Привезя с собой жену и детей, он причалил в порту Ванна, обосновался в тамошней области со своими людьми и стал постоянно расширять пределы своих завоеваний. Король Шарлемань был хорошо осведомлён о действиях этого короля Акена, который закрепился в Бретани, однако он не желал из-за этого прерывать свой Испанский поход и останавливать своё военное предприятие. Он говорил: «Пусть он со своим войском обоснуется в Бретани. Для нас это будет пустячным делом – избавить страну от него и его людей после того, как мы освободим земли по эту сторону гор¹¹⁴ и всюду утвердим христианскую веру».

Между тем король Акен велел построить на морском берегу, довольно близко от Ванна, очень красивую башню, которую называли Ле-Глэ. В ней и пребывал этот король

¹⁰² Речь идёт Карле Великом (ок. 747 – 814), который был королём франков с 768 г. и римским императором с 800 г. (французское имя *Charlemagne* образовано от латинского *Carolus Magnus*, т.е. Карл Великий).

¹⁰³ Карл Великий действительно был погребён в построенной по его указанию дворцовой капелле города Аахена (Германия, земля Северный Рейн-Вестфалия, округ Кёльна).

¹⁰⁴ Шансон де жест (*chanson de geste*, дословно «песнь о деяниях») или жеста – жанр французской средневековой литературы эпического содержания. Самая известная жеста – «Песнь о Роланде».

¹⁰⁵ На самом деле Карл Великий совершил лишь один поход на Пиренейский полуостров в 778 г. Его успехи были довольно скромными: мусульманскую Сарагоссу взять не удалось, а на обратном пути арьергард франкского войска, возглавляемый маркграфом Бретонской марки Роландом, потерпел поражение от басков в Ронсевальском ущелье. Как бы то ни было, в результате этого похода к югу от Пиренейских гор была создана Испанская марка, которая послужила христианским форпостом для дальнейшего наступления на земли мусульман.

¹⁰⁶ В оригинале – *Bougie et Barbarie*; речь идёт о мусульманских землях Северной Африки – Алжире и Марокко.

¹⁰⁷ Сен-Жан-Пье-де-Пор (Saint-Jean-Pied-de-Port) – городок в Стране Басков, ныне расположен на территории Франции (департ. Атлантические Пиренеи, округ Байонны, кантон Монтань Баск).

¹⁰⁸ Коимбра – португальский город, расположенный на реке Мондегу, в 182 км к северу от Лиссабона, в провинции Бейра-Литорал.

¹⁰⁹ Севилья – город Андалусии (юг Испании), на левом берегу Гвадалквивира.

¹¹⁰ Толедо – город в центральной части Испании, на правом берегу реки Тахо.

¹¹¹ Кордова – город в Андалусии (юг Испании), в среднем течении Гвадалквивира.

¹¹² Леон – город и одноимённая провинция в северо-западной части Кастильского королевства.

¹¹³ Ошибочное утверждение: во время своего Пиренейского похода в 778 г. Карл Великий не продвинулся на юг дальше течения реки Эбро.

¹¹⁴ Т.е. земли Испании, расположенные к югу от Пиренейских гор.

Акен весьма охотно. И вот случилось, что когда король Шарлемань завершил свой поход, освободил Галисию и все другие земли, составляющие Испанию, убил сарацинских королей, изгнал прочь неверных и обратил всю эту землю в христианскую веру, он вернулся в Бретань и вывел своих людей в поле. Затем он дал королю Акену битву, большую и яростную. В ней были разбиты и перебиты все или почти все сарацинские короли и их люди, что там находились. Поэтому королю Акену пришлось бежать к своим кораблям, которые ждали его в полной готовности у подножия башни Ле-Глэ. И вот взошёл он на корабль вместе с женой и детьми. Однако они так спешили, спасаясь от французской погони, что не успели взять с собой младшего сына, который спал в башне и которому был примерно год отроду. Тем не менее, этот король, его жена и дети отчалили в море и спаслись.

И вот французы нашли в башне дю Глэ этого младенца и отнесли к королю Шарлеманю. Весьма обрадованный, король пожелал, чтобы он был крещён. Это было исполнено, и держали младенца в купели Роланд и Оливье¹¹⁵. Посему получил он имя Оливье, и дал ему император доброго опекуна, дабы тот его оберегал, воспитывал и управлял всеми землями, коими его отец Акен завладел в Бретани. Когда этот ребёнок вошёл в возраст мужа, он стал добрым, мудрым и отважным рыцарем, и звали его люди Оливье дю Глэ-Акен, поскольку он был найден в башне дю Глэ и был сыном короля Акена Неверного, который уже никогда впоследствии не вернулся в Бретань и никого не прислал от себя.

Итак, я рассказал вам о ранних предках и происхождении мессира Бертрана де Клэкана, коего мы должны были бы называть «дю Глэ-Акен». И скажу вам, что когда мессир Бертран изгнал короля дона Педро¹¹⁶ из его королевства Кастилии и короновал короля Энрике Кастильского и Испанского¹¹⁷, он говорил, что желает совершить поход в королевство Бужийское и отвоевать своё наследство. Для этого надо было лишь пересечь море, что он непременно и сделал бы. Ведь король Энрике хотел предоставить ему для этого похода множество людей на добрых судах, так что король Бужийский очень сильно его опасался. Однако у мессира Бертрана возникла одна задержка, которая всё расстроила. Дело в том, что принц Уэльский¹¹⁸ повёл войну против короля Энрике и с помощью ратной силы восстановил короля дона Педро на кастильском престоле. Тогда, в большой битве при Назре¹¹⁹, названный мессир Бертран был пленён мессиром Джоном Чендосом¹²⁰, который

¹¹⁵ Речь идёт о героях старофранцузского героического эпоса Роланде и Оливье, которые, по преданию, были пэрами и советниками Карла Великого.

¹¹⁶ Педро I Жестокий (30 августа 1334 г. – 23 марта 1369 г.), сын Альфонсо XI Кастильского (ум. 1350) и Марии-Констанции Португальской (ум. 1357); король Кастилии и Леона с 1350 г.

¹¹⁷ Энрике II Трастамарский (13 января 1334 г. – 29 мая 1379 г.), старший внебрачный сын короля Альфонсо XI Кастильского и его любовницы Леоноры Гусман; получил от отца графство Трастамарское. Неоднократно восставал против своего единокровного брата короля Педро I Жестокого и, в конце концов, благодаря французской помощи победил его и убил под замком Монтель в ночь на 23 марта 1369 года. С этого времени Энрике II Трастамарский стал безраздельно править как король Кастилии и Леона.

¹¹⁸ Эдуард Вудсток, прозванный Чёрным Принцем (15 июня 1330 г. – 8 июня 1376 г.) старший сын короля Эдуарда III Английского и Филиппы д'Эно; с 1337 г. герцог Корнуолла, с 1343 г. принц Уэльский; герцог Аквитанский в 1362 – 1372 гг. Прославился победами, одержанными над французами, – прежде всего в битве при Пуатье (1356 г.). В 1361 г. женился на Джоанне Кентской, дочери графа Эдмунда Кентского. Поскольку Чёрный Принц умер раньше своего отца Эдуарда III, английский престол в 1377 г. наследовал его сын, юный Ричард II.

¹¹⁹ В оригинале – Nazre. Речь идёт о битве при Нахере (1367), в которой Эдуард Вудсток, Чёрный Принц, одержал сокрушительную победу над францужско-кастильским войском Энрике II Трастамарского.

¹²⁰ Джон Чендос или Шандо/Chandos (ок. 1320 г. – 1 января 1370 г.), сын и наследник лорда Радбурна из Дербишира; рыцарь Ордена Подвязки с 1348 г., активный участник походов Эдуарда III и Чёрного Принца;

взял с него в качества выкупа 100 тысяч франков. Также и в другой раз, пленённый при Орэ¹²¹, он был выкуплен за 100 тысяч франков. В силу этих и прочих причин замыслы мессира Бертрана были нарушены. А затем возобновилась война между Францией и Англией; поэтому мессир Бертран был столь сильно занят и озабочен, что никак не мог уделить внимание другим делам. Однако это вовсе не отменяет того, что он был прямым потомком короля Акена, который правил королевствами Бужией и Барбарией. Итак, я пересказал вам старинную жесту о происхождении мессира Бертрана дю Глэ-Акена». – «Это верно, милый сир, – ответил я, – я вам весьма признателен и никогда этого не забуду». Так, за этой беседой, прибыли мы в город Прийи.

Если бы я неспешно провёл с мессиром Гильомом д'Ансени столько же времени, сколько я провёл с мессиром Эспаном дю Лионом¹²², когда ехал из города Памье¹²³ в Ортезан-Беарн¹²⁴, или же столько, сколько я общался с мессиром Жаном Ферраном Персеком¹²⁵, добрым рыцарем из Португалии, он бы мне рассказал и поведал о многих вещах. Но нет, я не пробыл с ним долго, поскольку сразу после обеда, проехав вместе примерно два добрых лье, мы оказались у дорожной развилки, где было два пути: один из них вёл в Тур-ан-Турень, куда желал попасть я, а другой – в Майи, куда направлялся рыцарь. У этой дорожной развилки наша компания и распалась. Мы с рыцарем распрощались, но перед этим, между Прийи и местом нашего расставания, он поведал мне много сведений, особенно о делах, происходивших в Бретани: как епископ Лангрский, посланный туда вместо почившего епископа Бове, мессир Жан де Вьенн и мессир Жан де Бюзэй приехали к герцогу, и какой ответ он им дал, когда выслушал их речь. На этих-то сведениях, сообщённых мне рыцарем, я и основываюсь, и привожу их письменно ниже.

[6]

О том, как посланники короля Франции прибыли к герцогу Бретонскому по делу о коннетабле и, выступив перед ним с речью, получили его ответ

Вам следует знать, что вышеназванные господа покинули Париж и королевский совет, хорошо уяснив, что и как им надлежит сказать и сделать. Они продолжали свой путь, пока не прибыли в Нант¹²⁶. Когда они спросили, где находится герцог, им сказали, что в округе Ванна: там он обычно пребывает охотнее, чем где-либо ещё. Тогда они отправились в путь и ехали, поспешая, пока не прибыли в Ванн, ибо от Нанта до Ванна – не более 20 лье. Спешившись в городе, они узнали, что герцог действительно находится там и держит свой двор в замке, который называется Ла-Мотт. На следующий день они надлежащим образом оделись, приготовились и явились к герцогу, который с виду принял их очень приветливо.

отличился в битвах при Слэйсе (1340), Креси (1346), Пуатье (1356), Орэ (1364) и Нахере (1367); с 1360 г. английский военный наместник во Франции, вице-чемберлен Англии, коннетабль Аквитании и виконт де Сен-Совёр в нормандском Котантене; с 1369 г. – сенешаль Пуату. Погиб при Люссаке в стычке с одним из французских отрядов.

¹²¹ Имеется в виду битва при Орэ (1364), в которой войско Карла де Блуа-Шатийона потерпело поражение от англо-бретонских отрядов Жана IV де Монфора.

¹²² См. примеч. №84.

¹²³ Памье (Pamiers) – главный город графства Фуа (департ. Арьеж).

¹²⁴ Ортез (Orthez) – главный город виконтства Беарн (департ. Атлантические Пиренеи, округ По).

¹²⁵ См. примеч. №85.

¹²⁶ Нант – столица герцогства Бретань, расположенная на правом берегу Луары при её впадении в Атлантический океан (департ. Атлантическая Луара).

Епископ Лангра, будучи прелатом, начал говорить и повёл свою речь красиво и мудро, поддерживаемый мессиром Жаном де Вьенном и мессиром Жаном де Бюэем, которые были его товарищами. Он сказал:

«Сир герцог, мы посланы сюда королём, нашим государем, и нашими сеньорами, его дядьями, герцогом Беррийским и герцогом Бургундским, дабы сказать и показать вам, что повергло их в великое изумление: почему вы сорвали морской поход в Англию, пленив и арестовав того, кто был его предводителем и имел верховные полномочия, – монсеньора коннетабля? И со всем тем вы взяли с него столь большой выкуп, что он до сих пор пребывает в глубокой печали. Более того, вы пожелали получить три его самых значительных замка и один его добрый город в Бретани. Эти замки могли бы доставить очень много неприятностей жителям окрестных земель, если бы стали им враждебны, вместе с городом Жюгоном, который является законным наследством названного мессира Оливье де Клиссона. Вы пожелали всё это получить от него в качестве выкупа. И вот я уполномочен вам сказать за моих сеньоров-товарищей, которые здесь присутствуют от имени нашего государя-короля и монсеньоров его дядьёв, чтобы вы отдали монсеньору Оливье де Клиссону, коннетаблю Франции, его наследство, которое удерживаете. И верните ему всё мирно, как того требует справедливость и как это было прежде, до того, как эти владения были вам сданы и уступлены по принуждению, а не по какому-либо законному праву, которое вы могли бы предъявить. Также и все его деньги верните целиком и полностью туда, где ему угодно будет их получить. И по поводу всего, что вы совершили, вот слово короля и его совета: вам надлежит явиться в Париж или туда, куда будет угодно королю и его совету, дабы принести свои извинения. Наш король очень мягок, любезен и терпелив, а кроме того, вы являетесь его кровным родственником. Поэтому мы уверены, что он охотно выслушает ваши извинения. А если они не будут достаточно хороши и убедительны, их подкрепят и подправят, как смогут, наши названные сеньоры, герцоги Беррийский и Бургундский. С помощью просьб и иными способами они сделают так, что для короля и для них вы останетесь кузеном и другом, как по справедливости вам и надлежит».

После этих слов епископ обернулся к мессире Жану де Вьенну и мессире Жану де Бюэю и спросил их: «Это и ваше слово?» Мессир Жан де Вьенн ответил: «Да, сир». Так же сказал и мессир Жан де Бюэй. Когда произносились и высказывались все эти речи, в покое герцога находились лишь четверо особ, считая его самого, ибо в этот раз герцог не желал больше никого видеть подле себя.

Когда герцог Бретонский выслушал речь епископа Лангрского, то слегка задумался. И вправду, у него была причина для этого, ибо произнесённые и сказанные речи требовали обстоятельного размышления. Наконец он заговорил и сказал: «Сир, я внимательно выслушал всё, что вы сказали, как мне и надлежало, ибо вы посланы сюда монсеньором королём и монсеньорами его дядьями. Ради них я должен и желаю оказать вам всяческий почёт и всемерное уважение, ибо к тому обязан. Однако ваши требования и заявления непременно надо обдумать в совете. Я посоветуюсь – либо сам с собой, либо с моими людьми, а затем дам вам такой ответ, что вы останетесь полностью довольны мной. Я не желаю и не могу сделать иначе». – «Вы очень хорошо сказали, – ответили сеньоры, – мы удовлетворены». На этом сеньоры с ним простились и вернулись в свои отели. Когда же настал вечер, им передали от имени герцога приглашение отобедать с ним следующим днём, и они согласились. На следующий день, когда настал назначенный час, они поднялись в

замок и увидели герцога в обществе его баронов и рыцарей, которые встретили их очень торжественно и чинно, ибо хорошо умели это делать.

Довольно скоро после их прибытия все омыли руки, чтобы сесть за стол. Епископа Лангрского усадили за самый высокий конец стола, поскольку он был прелатом. Сразу за ним сел герцог, а затем мессир Жан де Вьенн, адмирал Франции, и мессир Жан де Бюэй. Обед был большим, красивым и с хорошей прислугой. Когда он завершился, все вошли в палату совещаний и, заведя весёлые беседы, потолковали о многих делах и послушали песни и вирелэ в исполнении менестрелей. Сеньоры, приехавшие из Франции, весьма надеялись уже тогда получить от герцога ответ, но напрасно. Наконец принесли вино и сласти. Отведав их, послы простились с герцогом и, вернувшись в свои отели, провели там вечер.

Поутру им сообщили от имени герцога, чтобы они прибыли в замок переговорить с ним. Они туда явились. Войдя в одну комнату, они увидели герцога, который их ожидал. Он принял их хорошо и довольно приветливо, а затем, как и следовало, повёл речь и сказал: «Милые сеньоры, я хорошо знаю, что вы ожидаете моего ответа, ибо после тех речей, с которыми вы ко мне обратились, вы обязаны доложить ответ монсеньору королю и монсеньорам его дядьям. Поэтому я вам говорю, что я не сделал мессиреу Оливье де Клиссону ничего, о чём бы я сожалел, кроме лишь того, что позволил ему так дёшево отделаться и уйти живым. Если я сохранил ему жизнь, это было только ради почтения и любви к его должности, а не к его особе, ибо он причинил мне столько вреда и больших неприятностей, что я должен его ненавидеть смертельно. Не во гнев монсеньору королю, монсеньорам его дядьям и их советникам, по поводу того, что я расстроил и сорвал морской поход, я желаю оправдаться тем, что никакого зла не замышлял в тот день, когда пленил коннетабля, ибо врагов следует брать в плен всюду, где их находишь. И если бы даже он был убит, королевство Французское всё равно управлялось бы столь же хорошо или даже лучше, чем по его совету. Относительно замков, которые он мне сдал и уступил, - я ими владею и буду владеть, если военная сила короля не отнимет их у меня. Что же касается суммы в сто тысяч франков, я отвечаю, что из-за вражды, посеянной Оливье де Клиссоном, мне пришлось претерпеть множество трудностей в этой стране и иных землях. Поэтому я выплатил и раздал эти деньги тем, перед кем был обязан по причине долгов».

Таков был смысл ответа, который герцог Бретонский дал полномочным представителям короля и его совета. Потом они обратились к герцогу с новыми речами, пытаясь образумить его, но все его ответы неизменно сводились к одному и тому же заключению. И когда посланники увидели, что не добьются ничего иного, они попросили дозволения на отъезд. Герцог им его дал. Они пустились в обратный путь и ехали, пока не прибыли в Париж. Затем они направились в замок, именуемый Ботэ¹²⁷ и расположенный близ Венсенна, ибо там тогда пребывали король с королевой. И туда же приехали монсеньор Беррийский и монсеньор Бургундский, которым весьма нетерпелось услышать ответ герцога Бретонского. Этот ответ вы уже достаточно хорошо знаете, и мне незачем его заново пересказывать. В любом случае, те, кто был послан в Бретань, потрудились напрасно, из-за чего король и его совет были весьма недовольны герцогом Бретонским и сказали, что герцог – надменный и высокомерный человек, и что дело так не останется, ибо короне Франции

¹²⁷ Замок Ботэ (Beauté) находился на берегу реки Марны в 3 км к востоку от Венсеннского замка и в 10 км к востоку от Парижа (департ. Валь-де-Марн).

нанесено слишком большое оскорбление. Король Франции и его совет были твёрдо намерены начать войну против герцога Бретонского.

Между тем герцог и не ждал ничего иного, ибо хорошо видел и знал, что он очень сильно прогневил короля и его совет. Однако он так ненавидел коннетабля, что эта великая ненависть лишала его способности здраво рассуждать. Теперь он очень жалел, что не предал коннетабля смерти, когда тот был в его власти.

В таком положении дела оставались долгое время. Герцог Бретонский пребывал в Ванне и очень мало ездил по своей стране, ибо весьма опасался засад. Однако он поддерживал хорошие отношения с жителями цитаделей и добрых городов Бретани и соблюдал некоторые тайные соглашения с англичанами. Свои замки и города он велел держать закрытыми и охранять столь же бдительно, как если бы он находился в состоянии объявленной войны. Он часто предавался размышлениям о том, что совершил. В один час он раскаивался, а в другой говорил, что коннетабля непременно следовало схватить. По крайней мере, он дал всем урок, ясно показав, что мессир Оливье де Клиссон его прогневил и что без причины он никогда бы не приказал его взять. Вместе с тем он вовремя навёл страх на свою страну, ибо поистине мала власть того сеньора, которого не боятся и не опасаются его люди. А мир он получит всегда, когда пожелает.

Теперь мы немного воздержимся говорить о названном герцоге Бретонском и вернёмся к рассказу о событиях, происходивших в королевстве Английском, которые были весьма тревожными и ужасными.

[7]

О том, как знать и народ Англии роптали против герцога Ирландского и других королевских советников

Из рассказанного ранее в этой истории вы знаете, что дядья короля Ричарда Английского, герцог Йоркский¹²⁸ и герцог Глостер¹²⁹, а также граф Солсбери¹³⁰, граф Арундел¹³¹, граф Нортумберленд¹³², граф Ноттингем¹³³ и архиепископ Кентерберийский¹³⁴

¹²⁸ Эдмунд Лэнгли (5 июня 1341 г. – 1 августа 1402 г.), четвёртый сын короля Эдуарда III Английского (ум. 1377) и Филиппы д'Эно; граф Кембриджский с 1362 г.; герцог Йоркский с 1385 г.; родоначальник Йоркской королевской династии. В 1372 году женился на Изабелле Кастильской, младшей дочери короля Кастилии Педро I Жестокого.

¹²⁹ Томас Вудсток (см. примеч. №33).

¹³⁰ Вильям Монтэгю / Монтакьют (25 июня 1328 г. – 3 июня 1397 г.), старший сын Вильяма Монтэгю (1301 – 1344), 1-го графа Солсбери, и Екатерины Грандиссон. В 1344 г. наследовал отцу как 2-й граф Солсбери и король острова Мэн. В 1350 г. стал рыцарем Ордена Подвязки. Участвовал во многих военных кампаниях во Франции. В 1392 г. продал права на остров Мэн Вильяму Скроупу из Болтона. С 1340 был женат на Джоанне Кентской, однако в 1349 г. брак был расторгнут, поскольку выяснилось, что Джоанна ещё в двенадцатилетнем возрасте тайно вышла замуж за Томаса Холланда. Во втором браке был женат на Елизавете, дочери Джона Моэна (Mohen), 9-го лорда Моэна из Данстера. Его единственный сын от этого брака, сэр Вильям Монтэгю, погиб на турнире в 1383 г., не оставив наследников. Поэтому после смерти графа Солсбери в 1397 г. его племянник Джон Монтэгю наследовал ему как 3-й граф Солсбери.

¹³¹ Ричард Фитц-Алан (1346 г. – 21 сентября 1397 г.), 11-й граф Арундел и 9-й граф Сэрри; сын Ричарда Фитц-Алана (ум. 1376), 10-го графа Арундела и 8-го графа Сэрри, и Элеоноры Ланкастер; наследовал своему как граф

были в едином союзе против короля и его совета. Весьма недовольные ими, они говорили между собой: «Герцог Ирландский¹³⁵ вертит королём Англии, как ему вздумается, и королю

Арундел и Сэрри в 1376 г. В 1377 г. получил звание адмирала Запада и Юга. В 1378 г. руководил морской атакой на Арфлёр. В 80-е годы поддерживал Томаса Вудстока, герцога Глостера, в борьбе за власть с его племянником, королём Ричардом II. В 1386 г., уступая требованиям знати, Ричард II включил Глостера и Арундела в состав Королевского Совета. В том же году Арундел был назначен адмиралом Англии и произведён в рыцари Ордена Подвязки. В марте 1387 г. Арундел, командуя английским флотом вместе с Томасом Моубреем, графом Ноттингемом, разгромил франко-испано-фламандский флот возле Маргита. В августе 1387 г. Ричард II исключил Глостера и Арундела из своего совета. В ответ они, вместе с другими представителями английской знати, собрали войско и разбили королевских фаворитов в битве при Рэдкот-Бридже 22 декабря 1387 г. После этого большинство фаворитов были казнены по приговору «Безжалостного Парламента», несмотря на личные просьбы короля и королевы о помиловании. В 1388 г. Арундел был назначен управляющим Бреста в Бретани. В следующем 1389 г. между Англией и Францией был заключён мир, но Арундел вместе с Глостером заявил, что никогда не согласится с условиями этого мирного договора. В 90-е годы Арундел неоднократно вступал в конфликты с Ричардом II и в итоге был арестован 12 июля 1397 г. На суде его обвинили в подготовке антикоролевского заговора вместе с Глостером. По приговору, 21 сентября 1397 г. Ричард Фитц-Алан был обезглавлен, а его владения объявлены конфискованными. Однако в октябре 1400 г. приговор о конфискации был отменён, и его сын Томас Фитц-Алан наследовал отцовские земли и титулы. Ричард Фитц-Алан был женат: 1) с 1359 г. на Елизавете де Боэн (Bohun) (ум. 1385), дочери Вильяма де Боэна, 1-го графа Нортгемптона, и Елизаветы Бадльсмер; 2) с 1385 г. на Филиппе Мортимер, дочери Эдмунда Мортимера, 3-го графа Марча.

¹³² Генрих Перси (1341 – 1408), 1-й граф Нортумберленд, 4-й барон Перси; сын Генриха, 3-го барона Перси (ум. 1368), и Марии Ланкастер, дочери Генриха, 3-го графа Ланкастера; наследовал отцу как барон Перси в 1368 г. В 1377 г. король Ричард II сделал его графом Нортумберленда и пожаловал ему звание Лорда Маршала. В 1383 – 1384 гг. Генрих Перси исполнял должность адмирала Северных Морей. После того как Ричард II возвысил его противника Ральфа Невилля, сделав его графом Камберленда в 1397 г., Генрих Перси поддержал мятеж Генриха Болингброка, который стал королём Англии под именем Генриха IV (1399). На своей коронации Генрих IV назначил Перси констеблем Англии и пожаловал ему во владение остров Мэн. Однако в 1403 г. Генрих Перси вместе со своим сыном Генрихом Хотспером принял участие в мятеже против Генриха IV. В битве при Шрусбери силы мятежников были разбиты, а Хотспер погиб. После этого старый Генрих Перси потерял должность констебля Англии. В 1405 г. он поддержал другой антикоролевский мятеж, возглавляемый Ричардом Скрупом, архиепископом Йоркским. После подавления мятежа Перси был вынужден бежать в Шотландию, а его владения были конфискованы королём. В 1408 г. Генрих Перси вторгся в Англию во главе мятежных войск, однако был побеждён и погиб в битве при Брэмхэм-Муре. Его голова была выставлена на Лондонском Мосту. Генрих Перси был женат: 1) с 1358 г. на Маргарите Невиль (1339 – 1372), дочери Ральфа Невилля, 2-го барона Невилля из Рэби, и Алисы Одли; 2) с 1381 г. на Мод Ласи (1343 – 1398), дочери Томаса, 2-го барона Ласи, и Маргариты Малтон.

¹³³ Томас Моубрей (22 марта 1366 г. – 22 сентября 1399 г.), второй сын Джона, 4-го барона Моубрея (ум. 1368), и Елизаветы Сигрэйв, дочери и наследницы Джона, 4-го барона Сигрэйва. В феврале 1383 г. наследовал своему старшему брату Джону Моубрею как 2-й граф Ноттингем, барон Моубрей и барон Сигрэйв. 30 июня 1385 г. получил пожизненный титул графа Маршала. Участвовал в военных кампаниях против французов и шотландцев. В 1389 г. получил должность блюстителя земель порубежных с Шотландией. В 1387 г. участвовал в мятеже знати против королевских фаворитов и был одним из «лордов-апеллянтов». Впоследствии стал капитаном Кале и снискал милость Ричарда II, вероятно, за своё участие в убийстве Томаса Вудстока, герцога Глостера, заключённого в Кале в 1397 г. В благодарность за это 29 сентября 1397 г. Ричард II сделал Томаса Моубрея герцогом Норфолка. В 1398 г. Томас Моубрей вступил в открытый конфликт с Генрихом Болингброком, будущим Генрихом IV. Противники в присутствии короля вызвали друг друга на ристалище, однако Ричард II не дал поединку состояться и изгнал обоих из страны. Моубрей покинул Англию 19 октября 1398 г. Он скончался от чумы в Венеции 22 сентября 1399 г. Между тем Болингброк, вернувшись в Англию, узурпировал престол 30 сентября 1399 г. Вскоре после этого, постановлением Парламента от 6 октября 1399 г., Томас Моубрей был лишён титула герцога Норфолка, однако все остальные владения и звания были сохранены за его наследниками. Томас Моубрей был женат: 1) с 1383 г. на Елизавете Ле-Стрэйндж (1373 – 1383), дочери и наследнице Джона, 5-го барона Ле-Стрэйнджа из Блэкмера, и Изабеллы Бошан / Бичем, дочери Томаса Бошана, 11-го графа Уорика; 2) на Елизавете Фитц-Алан (ок. 1372 – 1425), вдове сэра Вильяма Монтэгю, дочери Ричарда Фитц-Алана, 11-го графа Арундела, и Елизаветы де Боэн.

¹³⁴ Вильям Кортни / Куртенэ (ок. 1342 г. – 31 июля 1396 г.), младший сын Хьюга Кортни, 10-го графа Девона, и Маргариты де Боэн. Последовательно становился епископом Херифорда (1370), Лондона (1375) и, наконец, архиепископом Кентерберийским (1381).

¹³⁵ Роберт де Вер (1362 – 1392), сын Томаса де Вера, 8-го графа Оксфорда, и Мод Уффорд. Наследовал отцу как 9-й граф Оксфорд в 1371 г. В 80-е годы был придворным фаворитом Ричарда II. В 1384 г. король произвёл его в

советуют лишь злые люди, очень низкого происхождения по сравнению с принцами. До тех пор, пока он будет держать вокруг себя таких советников, дела на лад не пойдут, ибо королевство не может хорошо управляться, если государь получает советы от недостойных людей. Известно, что когда бедный человек с одобрения своего сеньора достигает властных высот, он и сам развращается, и народ со страной губит. Чего взять с бедняка, который не имеет никакого понятия о чести? Он лишь стремится всё заграбастать и присвоить, словно выдра, которая, пробравшись в садок, пожирает всю рыбу, до которой сумеет дотянуться. Чего хорошего в том, что герцог Ирландский ныне находится у короля в такой милости, что тот больше никому не оказывает доверия? Поистине, мы хорошо знаем его происхождение и то, к чему он стремится. Если он сможет, то станет единолично управлять всем королевством Английским, оставив позади дядьёв короля и других его кровных родственников. Этого ни в коем случае нельзя стерпеть и допустить». – «Мы хорошо знаем, – говорили другие, – что его отец, граф Обри Оксфорд¹³⁶, никогда не пользовался почётом и уважением в этом королевстве, поскольку не имел ни ума, ни доброго совета, ни благородства. И его сын пошёл в него». – «Однажды мессир Джон Чендос¹³⁷ очень хорошо проучил этого графа Оксфорда, – сказал тогда один рыцарь, – при дворе принца Уэльского¹³⁸, в отеле Сент-Андриё в Бордо¹³⁹». – «И как же он это сделал?» – спросил кто-то другой, кому было весьма любопытно. «Я вам скажу, – ответил рыцарь, – ибо я лично при этом присутствовал. Как-то раз принц находился в одной комнате с превосходной компанией баронов и рыцарей Англии, и подавали вино. Когда принц выпил, кубок сразу поднесли мессире Джону Чендосу, поскольку он был коннетаблем всей Аквитании. Он взял кубок и выпил, даже не подумав уступить очередь графу Оксфорду, отцу нынешнего герцога Ирландского. После того как мессир Джон Чендос выпил, один из его оруженосцев поднёс кубок с вином графу Оксфорду. Однако граф, очень сильно возмущённый тем, что мессир Джон Чендос выпил прежде него, не пожелал пить и насмешливо молвил оруженосцу, державшему кубок: «Ступай и скажи своему хозяину Чендосу: пусть пьёт сам». – «Зачем мне к нему идти? – сказал оруженосец. – Он уже выпил. Поскольку вам предлагают, пейте. Клянусь Святым Георгием, если вы не выпьете, я плесну вам вино в лицо».

Услышав эти слова, граф испугался, как бы оруженосец не исполнил свою угрозу, ибо он был достаточно дерзок для этого. Поэтому, взяв кубок, граф поднёс его к своим устам и выпил или, по крайней мере, сделал вид, что пьёт. Стоявший неподалёку мессир Джон

рыцари Ордена Подвязки, в 1385 г. – в маркизы Дублинские, а в 1386 г. – в герцоги Ирландские. В первом браке Роберт де Вер был женат на Филиппе де Куси (1367 – 1411), дочери Ангеррана VII де Куси и принцессы Изабеллы, старшей дочери короля Эдуарда III Английского. Однако в 1387 г. он развелся с Филиппой, чтобы жениться на Агнессе Лаунсекронской (Launsekrona), фрейлине английской королевы Анны Богемской. В 1387 г. английская знать, недовольная политикой Ричарда II, подняла мятеж и потребовала ареста де Вера. Войско, собранное де Вером, было разбито при Рэдкот-Бридже, а сам он бежал в Голландию. В 1388 г. «Безжалостный парламент» заочно приговорил его к смерти и конфискации всех владений и титулов. Роберт де Вер скончался в Брабанте, близ Лувена в 1392 г., а в 1395 г., по приказу Ричарда II, его забальзамированное тело было доставлено в Англию для погребения.

¹³⁶ Фруассар по ошибке называет отца Роберта де Вера именем Обри. На самом деле речь должна идти о Томасе де Вере (ок. 1336 г. – сентябрь 1371 г.), 8-ом графе Оксфорде, втором сыне Джона де Вера (ум. 1360), 7-го графа Оксфорда, и Мод Бадльсмер. Томас де Вер участвовал в нескольких военных кампаниях Эдуарда III и Чёрного Принца. В 1341 г. женился на Мод Уффорд, дочери и наследнице сэра Ральфа Уффорда и Мод Ланкастер, дочери Генриха Ланкастера, внука короля Генриха III Английского.

¹³⁷ О Джоне Чендосе см. примеч. №120.

¹³⁸ Эдуард Вудсток, Чёрный Принц (см. примеч. №118).

¹³⁹ Город Бордо долгое время был столицей английской Гиени.

Чендос хорошо понял, что произошло, ибо имел очень острые слух и зрение. Пока принц Уэльский говорил со своим канцлером, мессир Джон подошёл к его свите и описал случившееся. Затем, дождавшись ухода принца, он подступил к графу Оксфорду и сказал так: «Мессир Обри, вы и вправду возмутились тем, что я, коннетабль этой страны, выпил прежде вас? Я должен и могу пить перед вами и шествовать впереди, поскольку того желают мой прегрозный сеньор, король Англии, и монсеньоры принцы. Правда истинная, что вы приняли участие в битве при Пуатье¹⁴⁰, однако никто из присутствующих здесь не знает обстоятельств этого дела так хорошо, как я. Поэтому я всё опишу, чтобы они удержали это в памяти. Когда монсеньор принц совершил свой поход в Лангедок¹⁴¹, дойдя до Каркассона¹⁴² и Нарбонны¹⁴³, а затем, через Фугос¹⁴⁴ и равнины Мессера¹⁴⁵, вернулся в Бордо, то случилось в этом городе, что вам захотелось отбыть в Англию и вернуться к королю¹⁴⁶. Что же сказал вам король, когда вас увидел? Я там не присутствовал, но всё равно хорошо это знаю. Сначала он вас спросил, завершился ли ваш поход, а затем – что вы сделали с его сыном. Вы ответили: «Сир, я оставил его в добром здравии в Бордо». Тогда молвил король: «И как же вы осмелились вернуться сюда без него? Я ведь твёрдо повелел и наказал всем, кто был в его компании: «Ступайте, и пусть никто не возвращается без моего сына, что бы с ним ни случилось». Вы же вернулись без него. Итак, я вам приказываю, – сказал король, – чтобы в течение ближайших четырёх дней вы покинули моё королевство и вернулись к моему сыну. А если на пятый день вас найдут в моём королевстве, я отниму у вас и жизнь, и ваши наследственные владения».

Вы, разумеется, испугались слов короля и покинули Англию. И вам довольно сильно повезло: вы действительно присоединились к войску монсеньора принца за четыре дня до того, как состоялась битва при Пуатье. В день этой битвы вы имели под своим началом четыре копия, тогда как я имел в своём распоряжении 60 копий. Итак, посмотрите, могу ли и должен ли я, будучи коннетаблем Аквитании, пить прежде вас?» Граф Оксфорд был тогда совсем пристыжен и желал бы оказаться где угодно, только не там, но ему пришлось молча стерпеть эти речи, сказанные мессиром Джоном в присутствии всех, кто желал их послушать».

В заключение своего рассказа рыцарь молвил: «Можно лишь удивляться, почему герцог Ирландский, сын этого графа Оксфорда, нисколько не опасаясь, что ему могут быть рассказаны такие воспоминания о его отце, взялся управлять всем королевством Английским

¹⁴⁰ В битве при Пуатье, состоявшейся 19 сентября 1356 года, англо-гасконское войско Чёрного Принца нанесло сокрушительное поражение французскому войску короля Иоанна II Доброго (ум. 1364). При этом сам король Франции попал в плен.

¹⁴¹ В 1355 г. Эдуард III назначил своего сына Эдуарда Вудстока, принца Уэльского, наместником в Гаскони. Находясь на этой должности, в октябре-декабре 1355 г. принц совершил опустошительный рейд в Лангедок, попутно разорив земли графа Арманьяка.

¹⁴² Войско Чёрного Принца вошло в Каркассон 3 ноября 1355 г. При этом большинство городских жителей укрылось в цитадели и отказалось покориться завоевателям. Перед своим уходом, 6 ноября, англичане сожгли все дома, стоявшие вне крепостных стен.

¹⁴³ Войско Чёрного Принца находилось в Нарбонне с 8 по 10 ноября 1355 г.

¹⁴⁴ В оригинале – *Fougaus*. К. де Леттенхове полагал, что речь идёт о городе Фанжо (Fañjeaus; департ. Од, округ Кастильнодари) (KL, t. 24, p. 302). Англичане сожгли Фанжо 15 ноября 1355 г.

¹⁴⁵ В оригинале – *Messères*. Вероятно, речь идёт о городе Мазер (Mazères), расположенном на реке Лер (департ. Арьеж).

¹⁴⁶ Т.е. к Эдуарду III Английскому.

поверх королевских дядьёв». – «А почему бы ему этого не делать, – сказали другие, – коли сам король того хочет?»

Так роптали во многих местах Англии против герцога Ирландского. Однако его честь и совесть более всего запятнано и унизило то, как он обошёлся со своей супругой¹⁴⁷, которая, как вы знаете, была дочерью сеньора де Куси¹⁴⁸ и госпожи Изабеллы¹⁴⁹, дочери королевы Англии. Красивая и добрая дама, она была более высокого и благородного происхождения, чем он сам. Однако он влюбился в одну немку¹⁵⁰, придворную девицу королевы Англии¹⁵¹, и так поладил с Урбаном VI¹⁵², который тогда пребывал в Риме и именовал себя папой, что сумел развестись с дочерью сеньора де Куси без всякого разумного повода, а лишь по своей самонадеянности и беспечности. Затем он женился на придворной девице королевы, а король Ричард всё это дозволил, ибо он был настолько ослеплён герцогом Ирландским, что если бы тот сказал, указывая на чёрное: «Вот белое», король вовсе не стал бы возражать.

Мать этого герцога Ирландского была очень сильно на него рассержена и взяла сударыню дочь сеньора де Куси в свой дом, в своё общество. По правде сказать, герцог Ирландский совершил зло, что злом для него и обернулось, ибо его развод стал одной из главных причин, почему его с самого начала возненавидели в Англии. Ведь вы знаете, что любые события, которые скверно заканчиваются, обязательно имеют в своей начальной основе что-нибудь плохое. Однако герцог Ирландский столь сильно полагался на королевскую любовь и милость, что даже не думал, что кто-нибудь может ему досадить.

[8]

О том, как представители английских общин по совету герцога Глостера прибыли в Виндзор, чтобы обратиться с прошением к королю Англии

¹⁴⁷ Филиппа де Куси (1367 г. – октябрь 1411 г.), младшая дочь Ангеррана VII де Куси и Изабеллы Английской, старшей дочери короля Эдуарда III и Филиппы д'Эно. В 1371 г. четырёхлетняя Филиппа была помолвлена с пятилетним Робертом де Вером, графом Оксфордом; 5 октября 1376 г. состоялась их официальная свадьба. В 1387 г. отверг Филиппу, и папа Урбан VI дал ему развод. Вскоре де Вер женился на Агнессе Лаунсекронской (Launsecrona), фрейлине английской королевы Анне Богемской. Это вызвало скандал в среде высшей знати: особенно были разгневаны принцы крови, высокородные дядья Филиппы – Джон Гонт, герцог Ланкастер, Эдмунд Лэнгли, герцог Йорк, и Томас Вудсток, герцог Глостер. Мать де Вера, Мод Уфффорд, встала на сторону Филиппы и приняла её в свой дом, говоря, что «дорожит ею больше, чем если бы она была её родной дочерью». Даже после развода Филиппа продолжала подписываться как графиня Оксфордская и герцогиня Ирландская. В 1388 г., потерпев поражение от мятежных баронов, Роберт де Вер бежал в Брабант, где и скончался в 1392 г. Ещё ранее, 17 октября 1389 г., новый папа объявил недействительным его развод с Филиппой де Куси. Вскоре Филиппа стала придворной дамой Изабеллы де Валуа, второй супруги Ричарда II, с которой она уехала во Францию после смерти короля, наступившей в 1400 г.

¹⁴⁸ Ангерран VII де Куси (см. примеч. №).

¹⁴⁹ Изабелла Английская (1332 – 1379), старшая дочь короля Эдуарда III и Филиппы д'Эно; уже будучи в возрасте 33 лет, вышла замуж за Ангеррана VII де Куси в 1365 г.

¹⁵⁰ Речь идёт об Агнессе Лаунсекронской (Launsecrona), см. выше, примеч. №147.

¹⁵¹ Анна Богемская (11 мая 1366 г. – 7 июня 1394 г.), представительница Люксембургского дома, старшая дочь Карла IV, императора Священной Римской империи, короля Богемии/Чехии, и Елизаветы Померанской. Сочеталась браком с королем Ричардом II Английским 20 января 1382 г. в Вестминстерском аббатстве.

¹⁵² Урбан VI, в миру Бартоломео Приньяно (1318 г. – 15 октября 1389 г.), архиепископ Ачеренцы с 1364 г., архиепископ Бари с 1377 г., папа Римский с 8 апреля 1378 г. по 15 октября 1389 г. В противовес ему был избран антипапа Климент VII, власть которого признавалась на территории Французского королевства.

По Англии распространился общий слух, что скоро введут один налог, так что с каждого очага будет выплачиваться один нобль, и при этом сильные понесут расходы за слабых, а великие – за малых. Дядья короля хорошо знали, что это будет очень трудно сделать, и велели распространять речи по Англии, в цитаделях и добрых городах, о том, что народ будет слишком сильно угнетён, что в казне короля должны быть большие накопления, и что надо потребовать отчёта у тех, кто находился в правительстве: у таких, как архиепископ Йоркский¹⁵³, герцог Ирландский, мессир Саймон Берли¹⁵⁴, мессир Майкл де Ла Поль¹⁵⁵, мессир Николас Брембр¹⁵⁶, мессир Тривильян¹⁵⁷, мессир Питер Гулуфр¹⁵⁸, мессир Джон Солсбери¹⁵⁹, мессир Джон Бошан¹⁶⁰, а также начальник шерстяного склада. И если оные пожелают поступить согласно праву и разуму и хорошо отчитаться, то в казне найдётся золота и серебра даже больше, чем ныне требуется для нужд Англии.

Вы знаете, это общий обычай, что никто не платит охотно и не вытаскивает деньги из кошелька до тех пор, пока может этого избежать. Эта молва так распространилась по

¹⁵³ Александр Невиль (ок. 1340 – 1392), младший сын Ральфа, 2-го барона Невиль из Рэби, и Алисы Одли; архиепископ Йоркский с 1374 по 1388 г.

¹⁵⁴ Саймон Берли/Burley (ок. 1336 – 1388), сын Джона Берли из графства Херифорд; несмотря на скромное происхождение, в детстве он воспитывался вместе с Эдуардом, Чёрным Принцем, и стал его другом. Позднее Чёрный Принц доверил ему воспитание своего сына, будущего Ричарда II. В 1350 г. Саймон Берли сражался на море с испанцами при Винчелси; в 1355 г. участвовал в прерванной экспедиции Эдуарда III из Кале во Францию; в 1364 г. служил Чёрному Принцу в Аквитании. В 1366 г. был послан принцем к Педро Кастильскому и принял участие в его восстановлении на престоле. После возобновления войны с Францией попал в плен к французам под Лузиньяном (1369). Затем был освобожден в обмен на Изабеллу де Валуа, герцогиню Бурбонскую (1370), и присоединился к Чёрному Принцу в Лиможе. В 1377 г. Ричард II утвердил за Саймоном Берли ежегодную ренту в 100 фунтов, которая была пожалована ему сначала Джоном Чендосом, а затем Эдуардом III. В том же году Берли был назначен главным королевским сокольничим и пожизненным констеблем Виндзорского замка. Затем к этому добавились новые земельные и денежные пожалования. В 1384 г. король назначил Берли пожизненным констеблем Дуврского замка и смотрителем Пяти Портов с 500 фунтами ежегодного дохода. В 1385 г. мать Ричарда II, Джоанна Кентская, назначила Саймона Берли одним из исполнителей её завещания. В 1388 году Берли, вместе с другими фаворитами короля, был смещён со всех должностей «за измену» и казнён по приговору «Безжалостного Парламента».

¹⁵⁵ Майкл де Ла Поль (ок. 1330 г. – 5 сентября 1389 г.), сын Вильяма де Ла Поля (ум. 1366), видного купца и финансиста из Халла, и Катерины Норвич, дочери Уолтера Норвича. Майкл де Ла Поль был одним из главных советников короля Ричарда II. В 1383 г. он стал канцлером Англии, а в 1385 г. получил титул графа Саффолка. После победы мятежных баронов при Рэдкот-Бридже он, как и другие фавориты короля, был обвинён в государственной измене, однако успел бежать из страны и умер в Париже в 1389 году.

¹⁵⁶ Николас Брембр (Brembre), богатый лондонский купец, лорд-мэр Лондона в 1377 и 1383-85 гг.; отличился при подавлении восстания Уота Тайлера в 1381 году. Вместе с другими фаворитами Ричарда II был казнён по приговору «Безжалостного Парламента» в 1388 г.

¹⁵⁷ Роберт Тресильян, уроженец Корнуолла, видный законовед, в 1360-е годы исполнял должность мирового судьи в разных английских графствах. В 1370-х годах работал в королевской администрации; в 1378 г. получил пост «судьи королевской скамьи» и вскоре был посвящён в рыцари. В 1381 г., после того как восставшие крестьяне убили главного королевского судью Джона Кавендиша, Роберт Тресильян получил назначение на эту должность и проявил особую суровость при расправе над восставшими в Эссексе. В противостоянии Ричарда II с баронской и парламентской оппозицией Роберт Тресильян неизменно занимал королевскую сторону. В народе он имел весьма одиозную репутацию благодаря своей судейской деятельности. 17 ноября 1387 г. недовольные бароны выдвинули против него обвинения в государственной измене и коррупции. Поскольку он укрылся в Вестминстерском соборе, «Безжалостный Парламент» приговорил его к смерти заочно. Вскоре после этого народная толпа выволокла Роберта Тресильяна во двор Вестминстерского аббатства и незамедлительно предала его смерти.

¹⁵⁸ В оригинале – *Pierre Gouloufre*; не поддаётся определению.

¹⁵⁹ Джон Солсбери из рода Монтэгю / Мотакьют (1330 г. – 25 февраля 1389 г.), второй сын Вильяма Монтэгю, графа Солсбери, и Катерины Грандисон; рыцарь-камергер короля Ричарда II. В 1340 г. женился на Маргарите Монтермер, дочери Томаса, 2-го барона Монтермера, и Маргариты Тейс.

¹⁶⁰ Джон Бичем из Холта (иначе Бошан или Бошем; у Фруассара – *Beauchamp*); сенешаль королевского двора; 13 октября 1387 г. получил титул барона Киддерминстера; был казнён по приговору «Безжалостного Парламента» в 1388 году. Его надгробное изображение находится в кафедральном соборе Вустера.

Англии, и особенно в Лондоне, который является главной цитаделью королевства Английского, что все его жители были возмущены и желали узнать, как идёт управление страной, ибо слишком много времени прошло с тех пор, как им давали какой-либо отчёт. И направились лондонцы, прежде всего, к мессире Томасу Вудстоку, герцогу Глостеру, младшему дяде короля. Хотя он был младше своего брата мессира Эдмунда, герцога Йорка, все люди, тем не менее, считали его за мужа отважного, мудрого, надёжного и очень твёрдого во всех своих делах. И когда они предстали пред ним, то сказали: «Монсеньор, добрый город Лондон вверяет себя вашим заботам, и все его жители дружно вас просят, чтобы вы соизволили взять на себя управление королевством и выяснить у тех, кто руководил королём, как до сих пор страна управлялась, ибо мелкий люд слишком сильно на это жалуется. С него требуют налог за налогом, побор за побором, несмотря на то, что после коронации нынешнего государя вся страна и так уже была угнетена налогами и податями, не установленными обычаем, сильнее, чем за предыдущие 50 лет. И притом неизвестно, куда ушли и до сих пор уходят все собранные средства. Поэтому соблаговолите в это вникнуть и принять должные меры, или дела пойдут совсем плохо, ибо мелкий люд недовольтвует очень сильно.

Тогда сказал им в ответ герцог Глостер: «Милые господа! Я внимательно выслушал вашу просьбу, однако я не могу её исполнить в одиночку, хотя хорошо вижу, что вы, равно как и все люди, имеете причину жаловаться. Несмотря на то, что я сын предыдущего короля Англии и дядя короля нынешнего, если я переговорю с королевскими советниками, они всё равно ничего для меня не сделают. Ведь мой племянник, нынешний король, окружил себя советниками, которым доверяет больше, чем себе самому, и эти советники вертят им, как хотят. Поэтому, если вы действительно желаете прийти к своей цели, вам сначала надлежит заручиться согласием всех добрых цитаделей и городов Англии, а также некоторых прелатов и знатных людей королевства. Затем вам следует явиться к королю. Мы с моим братом тоже охотно туда приедем. Скажите королю: «Дражайший и прегрозный государь, вы были коронованы в юном возрасте и, в добавление к этому, до настоящего времени вам давали незрелые советы. Вы не уделяли должного внимания делам вашего королевства из-за худого и незрелого совета, который долгое время вас окружал. И, как вы видели и знаете, если бы Бог вовремя не вмешался, ваше королевство Английское само-собой пропало бы и погибло бы безвозвратно¹⁶¹. Посему, прегрозный государь, в присутствии ваших дядьёв мы вас молим весьма смиренно, как подданные должны просить своего сеньора, чтобы вы исправили это положение дел, дабы благородная корона, которая отошла к вам от столь благородного короля, что более мудрого и отважного не было с тех пор, как Англия стала населённой страной, содержалась в процветании и почёте, а права мелкого люда, который теперь жалуется, охранялись и соблюдались. Об этом вы дали клятву в день вашей коронации. Извольте собрать вместе три сословия вашего королевства – прелатов, баронов и мудрых мужей из цитаделей, добрых городов и иных мест. Эти три сословия справедливо рассмотрят ваше прошлое правление: хорошие ли отдавались распоряжения и приказы, как то надлежит столь высокой особе, каковой вы являетесь. Те служащие, что управляли королевством хорошо, обретут выгоду и честь и останутся на своих должностях до тех пор, пока сами будут желать добросовестно трудиться и пока вам это будет угодно. Но если люди, уполномоченные вникнуть в счета и дела вашего королевства, увидят обратное, они

---

¹⁶¹ Намёк на грозные события, случившиеся в ходе восстания Уота Тайлера (1381).

примут надлежащие меры и заставят этих служащих уйти с должности совсем учтиво и без позора, из почтения к вашей особе; и назначат и поставят туда других достойных мужей, руководствуясь советом и мнением, прежде всего, вашим, монсеньоров ваших дядьёв, а также прелатов и видных баронов вашего королевства». И когда вы выскажете эту мольбу и прошение пред королём, – сказал герцог Глостер лондонцам, которые находились в его присутствии, – он вам что-нибудь ответит. Если король скажет: «Мы об этом посоветуемся», то потребуйте, чтобы этот совет был скорым, и будьте настойчивы, дабы нагнать страху на него, а также на его мармузетов¹⁶². Скажите ему смело, что страна больше не может этого терпеть, и ещё удивительно, как она столько терпела. В королевском окружении будем мы – мой брат и я, архиепископ Кентерберийский, граф Солсбери, граф Арундел¹⁶³ и граф Нортумберленд¹⁶⁴. А без нас не начинайте этот разговор вовсе, ведь мы – самые влиятельные в Англии. Приняв беспристрастный вид, мы поддержим вашу речь и скажем королю, что ваши требования разумны. И когда он нас выслушает, то вовсе не станет нам возражать, а если и станет – это будет его ошибкой. В соответствии с этим и будет затем постановлено. Вот какой совет и способ действий я вам предлагаю».

Тогда лондонцы сказали в ответ герцогу Глостеру: «Монсеньор, вы советуете нам хорошо и верно, но нам трудно будет так подгадать, чтобы застать вместе короля, вас с вашим братом и всех сеньоров, которых вы сейчас назвали». – «Вовсе нет, – сказал герцог, – ведь уже через десять или двенадцать дней настанет день Святого Георгия¹⁶⁵. Король вместе с королевой будет в Виндзоре¹⁶⁶, а вы знаете, что куда бы он ни направился, его сопровождают герцог Ирландский и мессир Саймон Берли; и ещё будет довольно других. Мы с братом и графом Солсбери тоже приедем. Поэтому будьте там и действуйте по обстоятельствам». Тогда они ответили: «Монсеньор, весьма охотно». Затем, очень довольные, лондонцы отбыли от герцога Глостера.

И вот настал день Святого Георгия. Король Англии отмечал его очень пышно, подобно тому, как с давних пор делали его предшественники. Вместе с королевой он прибыл в Виндзор и устроил большое празднество. На следующий день после дня Святого Георгия прибыли лондонцы на добрых шестидесяти лошадях. Столько же представителей прибыло из Йорка, да ещё немалое число из других крупных городов Англии. Все они расположились в Виндзоре. Между тем король собирался отбыть и уехать в парк, находившийся в трёх лье от Виндзора. Когда же он узнал, что представители английских общин желают говорить с ним, то стал ещё больше спешить с отъездом, ибо слишком боялся такой беседы и не желал выслушивать и принимать никаких советов. Однако его дядя и граф Солсбери сказали ему: «Монсеньор, вы не можете уехать. Сюда прибыли ваши люди из многих городов Англии. Надлежит, чтобы вы их выслушали и узнали, чего им нужно, а затем вы им ответите или посоветуетесь над ответом». Тогда король остался, но весьма неохотно. И вот представители английских общин вошли в нижний зал, находившийся за пределами новых построек, – там, где дворец был издревле. В первую очередь, при этом присутствовали: король, двое его

¹⁶² В оригинале «marmousets», т.е. придворные фавориты-высочки.

¹⁶³ Ричард Фитц-Алан (см. примеч. №131).

¹⁶⁴ Генрих Перси (см. примеч. №132)

¹⁶⁵ День Святого Георгия отмечается 23 апреля.

¹⁶⁶ В рассматриваемый период Виндзорский замок находился в 35 км к западу от Лондона.

дядьёв, архиепископ Кентерберийский, епископ Винчестерский¹⁶⁷, епископ Элийский¹⁶⁸, канцлер, граф Солсбери, граф Нортумберленд и многие другие. Затем представители добрых городов весьма почтительно обратились к королю с просьбой и прошением. От имени всех выступил один именитый лондонский горожанин, коего звали сир Саймон Сасбери¹⁶⁹, муж мудрый и весьма красноречивый. Он произнёс свою речь хорошо, разумно и живо, основав и построив её на советах и сведениях, полученных ранее от герцога Глостера. Вы уже слышали их содержание здесь выше, поэтому мне ни к чему их снова пересказывать.

Когда король всё внимательно выслушал, он сказал в ответ: «Люди нашего королевства, мы выслушали ваши просьбы и пожелания: они велики, пространны, а посему не подлежат немедленному рассмотрению. Мы ещё долгое время не соберёмся вместе, и наш совет не представлен здесь полностью: многих из него не хватает. Поэтому мы говорим в ответ, чтобы каждый из вас отправлялся назад в свой город и спокойно там ждал. Вовсе не возвращайтесь к нам, если вас не призовут, до самого дня Святого Михаила¹⁷⁰, пока парламент не соберётся в Вестминстере. Вот туда и приезжайте с вашими прошениями. Мы их обсудим в нашем совете: хорошие будут приняты, а неприемлемые – отвергнуты. Но даже не думайте, что мы должны править по указке нашего народа. Этого никогда не будет, ибо во всём нашем правлении и в действиях тех, кто управляет от нашего имени, мы не видим ничего, кроме законности и справедливости». Тут ответили эти граждане, числом более семи, все в один голос: «Прегрозный государь! Не во гнев вашей милости, но справедливость в вашем королевстве слишком ослабела. Вы же не знаете всего и не можете знать, ибо ничего не спрашиваете и не проверяете, а те, кто вам советуют, воздерживаются вам об этом говорить ради великой выгоды, которую они из этого извлекают. Это не справедливость, сир-король, рубить людям головы, руки, ноги, да вешать их. Это всё расправа. Настоящая же справедливость состоит в том, чтобы соблюдать и беречь права своего народа и обеспечить ему такой порядок, при котором он мог бы жить в мире, не имея никаких причин для волнений. Мы считаем, что вы назначили слишком долгий срок для нашего возвращения – день Святого Михаила. Мы никогда не сможем увидеться с вами более легко, чем теперь. Поэтому мы говорим с общего совета и согласия, что желаем получить отчёт, и весьма скоро, от тех, кто начиная со дня вашей коронации и до сих пор управлял королевством, и желаем узнать, что стало с вашей казной и большими денежными сборами, которые проводились в течение последних девяти лет по всему королевству Английскому: куда они пошли и на что

¹⁶⁷ Вильям Лонг из Викхема (Wykeham) (ок. 1320 г. – 27 сентября 1404 г.), сын Джон Лонга из Викхема (Хэмпшир); королевский секретарь с 1361 г., королевский советник и администратор с 1363 г.; стал епископом Винчестерским в 1366 г.; в правление Эдуарда III был лордом-канцлером Англии с 1367 по 1371 г., а в правление Ричарда II – с 1389 по 1391 г. Руководил многими важными строительными проектами, в частности реконструкцией Виндзорского замка; оказывал покровительство неимущим студентам, основал Новый Колледж в Оксфорде (1379) и Винчестерский Колледж (1382).

¹⁶⁸ Томас Арундел (1353 г. – 19 февраля 1414 г.), младший сын Ричарда Фитц-Алана, 10-го графа Арундела, и Элеоноры Ланкастер; 13 августа 1373 г. стал епископом Элийским, 2 апреля 1388 г. – архиепископом Йоркским., 25 сентября 1396 г. – архиепископом Кентерберийским. В правление Ричарда II дважды занимал пост лорда-канцлера Англии (1386 – 1389 гг., 1391 – 1396 гг.). Однако уже в 1397 г. Ричард II изгнал его из страны и способствовал избранию архиепископом Кентерберийским Роджера Уолдена (Walden). Период изгнания Томас Арундел провёл во Флоренции. Объединившись с другим изгнанником, Генрихом Болингброком, он вернулся в Англию и принял участие в свержении Ричарда II (1399). После восшествия на престол Генриха IV Томас Арундел был восстановлен в сане архиепископа Кентерберийского и дважды занимал должность лорда-канцлера Англии (1399 г., 1407 – 1410 гг.).

¹⁶⁹ В оригинале – *Simon Susbery*.

¹⁷⁰ Т.е. до 21 ноября. Таким образом, Ричард II приказывает английским депутатам ждать более полугода.

были потрачены. Если их хранители и казначеи дадут добрый или достаточно точный отчёт, мы будем весьма обрадованы и оставим этих людей в вашем правительстве, а если они не представят хороших отчётов, по этому поводу распорядятся представители вашего королевства, которые будут уполномочены монсеньорами вашими дядьями и другими».

После этих слов король молча посмотрел на своих дядьёв, дабы послушать и узнать, что они скажут. Тогда герцог Глостер заговорил и сказал: «Сир, в просьбе и пожелании этих добрых людей и общин всего королевства я не вижу ничего, кроме законности и разума. Сир, знайте, что ваши подданные, общины цитаделей и добрых городов, желают лишь блага и выгоды вам и всему вашему королевству, согласно праву и разуму. А вы, милый брат Йорк, что думаете по этому поводу?» – «Видит Бог, – ответил герцог Йорк, – это верно». Так же ответили и все присутствующие там прелаты и бароны. Герцог Глостер попросил, чтобы каждый, по очереди, высказал своё мнение, и все высказались единодушно. «Обязательно надлежит, государь, – добавил ещё герцог, – чтобы вы знали, что происходит с вашей казной сейчас и что происходило с ней до сих пор».

Король хорошо видел, что он остался в одиночестве, а все его мармузеты не осмеливаются произнести ни слова, ибо там были слишком знатные сеньоры по сравнению с ними. Тогда, понимая, что надо внешне проявить уступчивость, король сказал: «Итак, хорошо, я согласен. Пусть с этим поскорее разберутся, ибо уже близится летняя пора, и нам нужно уделить время охоте». – Затем он сказал лондонцам и другим: «И как же вы хотите уладить этот вопрос? Сделайте это быстро, я вас прошу». – «Прегрозный государь, – ответили они, – мы желаем и просим у монсеньоров ваших дядьёв, в первую очередь, чтобы они приняли в этом участие». Тогда королевские дядья ответили: «Мы весьма охотно будем в этом участвовать ради всех сторон – как ради монсеньора [короля], так и ради королевства, в котором мы имеем свою долю». Затем лондонцы сказали: «Мы желаем и просим у преподобных отцов во Боге, архиепископа Кентерберийского, епископа Элийского и епископа Винчестерского, чтобы они тоже в этом участвовали». – «Мы это сделаем охотно», – ответствовали прелаты. – «Теперь мы просим господ, которые здесь присутствуют, монсеньора Солсбери, монсеньора Нортумберленда, мессира Рейнольда Кобхема¹⁷¹, мессира Брайэна¹⁷², мессира Джона Фелтона¹⁷³ и мессира Мэтью Гурне¹⁷⁴, чтобы они тоже в этом

¹⁷¹ Рейнольд Кобхем (1348 г. – 6 июля 1403 г.), сын Рейнольда Кобхема и Джоанны Беркли. Отличился на войне в Гаскони в 1370 г. Был женат: 1) на Елизавете, вдове Джона Феррерса; 2) на Элеоноре Мальтраверс.

¹⁷² Гай Брайэн или Ги де Бриан (Bryan) (ок. 1310 или 1318/19 – 17 августа 1390 г.); его отец Гай Брайэн (ум. 1349), барон Вальвейнс-Касла в Пемброкшире, примерно в 1330 г. сошёл с ума и не принимал участия в войне. В 1330 г. молодой Гай Брайэн стал эсквайром королевского двора; в 1337 г. воевал в Шотландии, в 1339 г. участвовал в Тьерашской кампании; в 1341 г. назначен хранителем леса Дин; в 1342 г. был в Бретани с Эдуардом III в качестве эсквайра. В кампании Креси-Кале уже участвовал как рыцарь (вероятно, прошел посвящение 26 августа 1346 г.). 1 января 1350 г. отличился в битве при Кале как знаменосец Эдуарда III, за что получил от короля ренту в 200 марок. В морском бою у Винчелси снова держал знамя Эдуарда III (1350). В 1353 г. был рыцарем королевских покоев; в 1355–56 гг. воевал вместе с Эдуардом III во Франции и Шотландии; в 1359–61 гг. был королевским дворецким. В кампании во Франции 1359–60 гг. участвовал уже в качестве банерета. В 1369 г. был адмиралом королевского флота и воевал вместе с Джоном Гонттом во Франции; в 1370 г. был королевским камергером и адмиралом Запада, тогда же стал кавалером Ордена Подвязки; в 1371 г. принимал участие в морских операциях против фламандцев; в 1375 г. воевал во Франции, в 1380 г. – в Шотландии в отряде графа Марча. Вновь стал адмиралом Запада в 1381 г. Женится на вдове Хьюга Диспенсера, Елизавете Монтэю, дочери первого графа Солсбери и Екатерины Грандиссон. Ему наследовали сыновья Гай и Вильям.

¹⁷³ Джон Фелтон, сын английского военачальника и администратора Вильяма Фелтона (ум. 1367), сенешаль Пуату в 1359 г.

участвовали. Мы же туда отрядим от всех цитаделей и добрых городов Англии по два или четыре человека, почтенных и достойных доверия, которые порадеют за всё остальное сообщество Англии».

Эти предложения были полностью приняты, и всем было назначено собраться на осьмице Святого Георгия¹⁷⁵ в Вестминстере. Также было постановлено, чтобы все казначеи и счетоводы явились туда, дабы дать отчёт перед вышеназванными сеньорами. Король всё это одобрил и утвердил. Кроме того, благодаря просьбам его дядьёв, сеньоров и людей из добрых городов всего королевства Английского, король был мягко, ненасильственно принуждён к тому, чтобы приехать в Лондон или расположенный поблизости Шин¹⁷⁶ или Ротерхит¹⁷⁷, ибо ему весьма надлежало знать, как до сих пор шли и обстояли дела в его королевстве. На всё это он легко согласился. Так, хорошо и дружелюбно, завершилась эта встреча, состоявшаяся в день Святого Георгия в Вестминстере. Затем большинство её участников вернулось в Лондон, и было приказано всем служащим и казначеям по всему королевству Английскому, чтобы они явились туда с готовыми отчётами, под угрозой полного бесчестья, а также утраты жизни и имущества.

(Конец фрагмента)

---

¹⁷⁴ Мэтью Гурне / Gourney (1320 г. – 26 сентября 1406 г.), четвёртый сын Томаса Гурне, который был одним из убийц Эдуарда II в замке Беркли (1328). Родовое поместье семейства Гурне находилось в Строк-андер-Хэмпден (Stroke-under-Hampden) в Сомерсетшире. Мэтью Гурне числился в английском гарнизоне Бреста в 1358 г. В двух грамотах, датированных 2 августа 1378 г. и 10 сентября 1379 г., сказано, что он назначен сенешалем гасконской области Ланды. Был женат: 1) с 1372 г. на Алисе Бошан (1335 – 1383), 2) с 1385 г. на Филиппе Тэлбот (1367 – 1417).

¹⁷⁵ Т.е. 30 апреля.

¹⁷⁶ В оригинале – *Cènes*. Речь идёт о королевском замке Шин (Sheen), иначе именуемом Ричмонд-на-Темзе. Он находился на правом берегу Темзы, в 14 км к юго-западу от Лондона.

¹⁷⁷ В оригинале – *Rederide*. Имеется в виду королевский замок Ротерхит (Rotherhithe), расположенный на правом берегу Темзы в 1,5 км к юго-востоку от Лондонского Тауэра.